

М. И. Мальцев,
кандидат филологических наук

ПУШКИН О ДВОРЯНСТВЕ

В письме к М. А. Бакунину 26 февраля 1840 г. Белинский писал: «Мировоззрение Пушкина трепещет в каждом его стихе, в каждом стихе слышно рыдание мирового страдания, а обилие нравственных идей у него бесконечно, да не всякому все это дается и трудно открывается, потому что в мир пушкинской поэзии нельзя входить с готовыми идеями, как в мир рефлексированной поэзии...»¹

Великий критик подчеркнул то важное обстоятельство, что все написанное Пушкиным следует рассматривать, имея в виду его общественно-политические и философские взгляды, так как каждая строчка сочинений гениального поэта выражала эти взгляды.

В пятой статье о Пушкине Белинский выдвигает это положение как основное для исследователя пушкинского наследия. «Прежде всего,—пишет он,—нужен взгляд общий не на отдельные пьесы, а на всю поэзию Пушкина, как на особый и цельный мир творчества. Этот общий взгляд будет в лабиринтах разнообразных и многообразных творений поэта, аriadниною нитью для критика, и для читателей; при помощи этого взгляда сделаются понятными все частности, и не будет нужды обращать внимание на каждую из них, а только на главнейшие. Разумеется, этот общий взгляд должен быть основан на верном уразумении пафоса поэта»².

Н. Г. Чернышевский, соглашаясь с основными выводами Белинского о Пушкине, считал нужным подчеркнуть, что «каждый стих, каждая строчка беглых заметок Пушкина затрагивала, возбуждала мысль, если читатель мог пробудиться к мысли»³.

И Белинский и Чернышевский первостепенной задачей критики считали «исследование пафоса поэта», которое является основой для установления «общего взгляда» на поэзию Пушкина, т. е. решения проблемы его мировоззрения.

Советское пушкиноведение всегда уделяло этой проблеме основное внимание, тем самым способствуя правильному уяснению конкретных вопросов пушкинского творчества.

Однако не все в мировоззрении Пушкина представляется нам вполне ясным. Пока еще недостаточно остаются освещенными

¹ Пушкин в воспоминаниях современников. ГИХЛ. 1950, стр. 428.

² В. Г. Белинский, Сочинения в 3-х томах, ГИХЛ, 1948, т. III, стр. 381.

³ Н. Г. Чернышевский. П. с. с., ГИХЛ, т. II. 1950, стр. 471.

взгляды поэта на дворянство, очень важные для понимания многих мотивов и образов пушкинского творчества.

«Пушкин доступен только чувству конкретной действительности», — писал Белинский в упомянутом письме к Бакунину. Эта мысль критика полностью соответствует ленинскому положению, что вообще ничего нельзя понять, если не учитывать «всех связей и опосредствований».

В конкретную действительность, определявшую творчество поэта, входили его сложные взаимоотношения со своим классом, дворянством.

Советские литературоведы неоднократно высказывали мысль, что Пушкин находился в резком конфликте со своим классом, что он решительно преодолевал сословную дворянскую ограниченность и становился выразителем народных идеалов и чаяний. Но эти правильные положения пока еще недостаточно конкретизированы материалами пушкинского наследия.

Чтобы разобраться в противоречиях мировоззрения и творчества Пушкина и избежать неверных построений его социально-политической концепции, необходимо учесть все сказанное им о дворянстве.

Многочисленные суждения Пушкина о дворянстве высказаны в самых разнообразных ассоциациях: в специальных теоретических экскурсах, в журнальной полемике, в дневниковых заметках, в письмах, в устных спорах, зафиксированных мемуаристами. В художественных произведениях образ дворянина, современника поэта, получил достаточно полное отражение.

Некоторые высказывания Пушкина о дворянстве повторяются в сочинениях, написанных в разное время, что подтверждает внутреннюю убежденность поэта в их истинности.

Через все суждения Пушкина о дворянстве проходит стержневая мысль об общественно-историческом значении дворянства как просвещенного сословия. Мы обнаруживаем у Пушкина законченную концепцию просвещенного дворянства, которую он строил, ориентируясь прежде всего на передовых людей своего времени, дворянских революционеров, декабристов и Радищева. Этические и политические убеждения их находились в соответствии с пушкинскими представлениями об облике передового просвещенного дворянина.

Пушкин ясно представлял себе разнотипность современного ему дворянства. Ненавидя реакционное дворянство, он высоко ставил прогрессивно, декабристски настроенное дворянство, которое именовал просвещенным. При этом он постоянно уточнял понятие просвещенного дворянства, исключая из него представителей своего класса, которые при всей их образованности и культурности стояли в стороне от борьбы за прогрессивное развитие страны, за освобождение народа от крепостнического рабства, прямо или косвенно защищали существующий социально-политический строй.

Неправильно было бы при выявлении нравственно-эстетических идеалов Пушкина суживать общественный диапазон его наблюдений только декабристским окружением.

Положительные благородно-героические качества обнаруживает поэт также у своих современников, стоявших в стороне от активного участия в декабристском движении.

Примечательным фактом в этом отношении является дружба поэта с отцом и сыном Раевскими. Их он высоко ценит не только за славные подвиги в Отечественной войне, но и как честных, культурных, гуманных представителей своего сословия. Привожу характерный своим трогательным чувством привязанности отзыв поэта о Раевском—отце из его письма к брату, Л. С. Пушкину: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой прекрасной душою, снисходительного, положительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества» (X, 19)¹.

Показательна сравнительная характеристика, которую дает поэт графу Воронцову и генералу Инзову в письме к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. (эта характеристика почти полностью повторяется в «Воображаемом разговоре с Александром I», написанном несколько месяцев спустя в с. Михайловском). Если гр. Воронцов—«вандал, придворный хам и мелкий эгоист» (X, 96), беспринципный космополит, предпочитающий «первого английского шалопаю всем известным и неизвестным своим соотечественникам» (VIII, 70), то генерал Инзов—добрый и почтенный старик, «русский в душе», доверяющий благородству чувств, «потому что сам имеет чувства благородные» (VIII, 70), он не чуждался беседовать с поэтом об испанской революции и т. д.

Подвергая конкретный жизненный материал художественному эксперименту, Пушкин не грешит против правды в угоду своему идеалу или симпатиям при создании положительных образов дворян. Уже в ранний период своего творчества он очень строго относится к своим современникам, не склонен идеализировать тех, которые на первый взгляд кажутся хорошими, просвещенными представителями общества.

На генерала Киселева
Не положу своих надежд.
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд,
За шумным медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,

---

¹ Цитирую везде по 10-томному изданию сочинений Пушкина, АН СССР, 1949. В скобках римской цифрой обозначается том, арабской—страница.

До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.

(1,347)

Если «милое равенство» членов кружка «Зеленая лампа» располагает поэта открыто высказывать свои мысли

На счет глупца, вельможи злого,
На счет холопа записного,
На счет небесного царя,
А иногда насчет земного

(1,346)

то такие люди, как генерал Киселев, при всем их просвещенном облике, не внушают доверия из-за придворных связей.

Целью настоящей работы является анализ суждений Пушкина о дворянстве на всем протяжении его литературной деятельности. С этой целью привлекаются не только статьи и наброски поэта теоретического и публицистического характера, но и его художественное творчество. Частично также будут использованы мемуарные и эпистолярные материалы современников Пушкина.

I

Уже в юные годы поэт с тревогой вопрошает:

...в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душой благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?

На протяжении всего творчества Пушкин стремится решить проблему положительного героя, настойчиво пытается создать образ «гражданина с душою благородной», «друга человечества» из дворян.

Таков прежде всего лирический герой его поэзии, адекватный высоко моральному облику самого поэта.

Лирический герой Пушкина развивается вместе с духовным ростом поэта, обусловленным главными событиями того времени — Отечественной войной и декабристским движением. Ведущими чертами его являются: патриотическая преданность долгу служения народу и родине, решительный протест против самодержавия и крепостничества, против деспотизма, мракобесия и пошлости, жажда глубокого познания законов жизни, стремление разобраться в ее противоречиях, объяснить философски современность и историческое прошлое народа.

Революционные убеждения, нравственная чистота и высоко развитое эстетическое чувство позволяет Пушкину безошибочно распознавать лучших передовых людей своего сословия, с которыми он вступает в тесное идеологическое общение. В целом

ряде стихотворений поэт обращается к этим конкретным носителям благородных качеств из своего декабристского окружения и воссоздает их образы.

Так, идеалом просвещенного дворянина для Пушкина был его лицейский друг И. И. Пущин. Как известно, декабрист Пущин, чтобы выполнить свой долг гражданина, предпочел блестящей карьере гвардейского офицера скромную должность надворного судьи. Пушкин воспел этот поступок в известном наброске послания Пущину: «Но счастлив, о брат мой любезный».

Вдохновитель свободолюбивых настроений молодого Пушкина П. А. Чаадаев предстает в стихотворениях поэта, как выдающийся по своим гражданским добродетелям и душевным качеством человек: он мудрец, враг рабства и защитник «вольности святой», мечтатель воспламеняющий в юном поэте «к высокому любовь», неизменный друг поэта, вникающий «во глубину души строгим взором».

В этом же духе воссоздает Пушкин образы других лучших людей своего времени: В. Ф. Раевского, В. Л. Давыдова, П. И. Пестеля, посвящая им свои послания, в которых размышляет о долге просвещенного дворянина.

Дневниковые записи, заметки и письма помогают полнее понять смысл его стихотворений, значение обобщений в положительных образах его лирики.

«Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... он один из самых оригинальных умов, которых я знаю»,—записывает Пушкин в дневнике за 9 апреля 1821 г. (VIII, 17).

Не трудно заключить, какое значение имело общение Пушкина с такими людьми, как П. И. Пестель, В. Ф. Раевский, И. И. Пущин, В. Л. Давыдов, П. А. Чаадаев, для его представлений об облике передового просвещенного дворянина, получивших отражение в образах положительных героев на разных этапах творчества. К сожалению, очень ценные для нас записи поэта, относящиеся к периоду его южной и михайловской ссылки, уничтожены были им во время следствия над декабристами из опасения «замешать многих и, может быть, умножить число жертв». В них Пущин, по его словам, «говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровением дружбы или короткого знакомства» (VIII, 76.)

В произведениях, созданных в романтический период творчества поэта, положительный герой показан главным образом со стороны его гражданских качеств.

Так, уже в стих. «К Лицинию» (1815) субъект лирической исповеди—горячий защитник свободы, обличитель рабства, деспотизма, продажности и разврата правящего сословия, носитель национально-героических черт своего народа (Я сердцем—римлянин; кипит в груди свобода; Во мне не дремлет дух великого

народа»). Он является обобщением представлений юного поэта об общественном поведении передового человека своего времени, т. е. потенциальным образом декабриста. В дальнейшем творчестве Пушкина этот образ будет развиваться и усложняться в лирике, в эпических и драматических жанрах, соответствуя идейно-творческому росту поэта.

Обратимся, например, к таким характерным романтическим произведениям Пушкина, как «Кавказский пленник» (1821) и «Вадим» (1822), чтобы нагляднее представить себе положительного героя романтического периода творчества поэта.

Герои этих поэмов задуманы как норма гражданского поведения просвещенного дворянина. Они верой и правдой будут служить народу и родине в первых рядах борцов с самодержавием и крепостническим рабством. Условно-экзотический фон в этих поэмах был лишь удобным приемом для открытого выражения оппозиционных идей, спроецированных в живую современность, в обстановку нарастания волны декабристского движения.

Устами одного из персонажей в наброске трагедии «Вадим» Пушкин объясняет историческую необходимость появления активных общественных деятелей, которым предстоит задача повести за собой на борьбу «младых граждан», негодующих против современного политического режима.

«Рогдай: Вражду к правительству я зрел на каждой встрече.

Младые граждане кипят и негодуют—

Вадим, они тебя с надеждой именуют».

В поэму «Кавказский пленник» Пушкин вложил свои раздумья о судьбах передовых людей своего поколения и в образе Пленника убедительно показал, как в душной атмосфере конца 10-х и начала 20-х годов созрел декабристский деятель.

Пленник—«отступник света». Он решительно протестует против существующих общественных порядков, которые губят в человеке лучшие надежды на свободу, счастье, радость, любовь. Разочарованный в жизни, с «увядшим сердцем», но «с веселым призраком свободы», он бежит из светского общества.

Пленника характеризуют страстная влюбленность в идеал свободы, которая неразрывно связана с его неудовлетворенностью современной общественной действительностью, где он «узнал неверной жизни цену».

Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.

Свобода! Он одной тебя
Еще искал в пустынном мире,
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечте и лире,
С волнением песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.

В этих стихах подчеркивается героический характер образа Пленника, соответствующий характеру передового современника поэта.

Пушкин облакает повествование в условно-романтическую форму, подбирая соответствующую лирической поэме фабулу, заставляя своего героя побывать в плену у полудиких черкесов и т. д.

В критической и исследовательской литературе о Пушкине правильно отмечается противоречивая непоследовательность характера Пленника, особенно во второй части поэмы, где обнаруживается нарушение героического мотива преданности идеалам свободы и борьбы с пошлым обществом мотивом неразделенной любви.

Такая противоречивость в порядке вещей. Романтические воззрения побуждали поэта внести в повествование традиционный элегический мотив, который диссонансом звучит при явно выраженной основной идее поэмы—прославлении свободы и отщепенства героя от общества, поправшего его благородные идеалы.

Сам Пушкин понимал противоречивость характера своего героя. Впоследствии в статье «Опровержение на критики» (1830) он писал: «Кавказский пленник»—первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил (VII, 170). И все же, хоть и «насилу», для того времени он «сладил» с характером романа того о героя. Надо полагать, он не случайно героизировал Пленника в первой части поэмы. Д. Д. Благой, сопоставляя канонический текст поэмы с черновой редакцией начала ее, правильно подметил усиление героических черт характера Пленника в первой части поэмы окончательной редакцией¹.

Как видно, сам Пушкин понимал необходимость композиционно отодвинуть на задний план противоречащий свободолюбию Пленника традиционный для романтической лирической поэмы элегический мотив, чтобы читатель сразу же воспринял образ в его основном героическом мотиве.

Следует учесть тот факт, что передовые современники Пушкина сочувственно приняли поэму, увидав в ее герое правдивое отражение их настроений и переживаний. Некоторые из них сделали поэту замечания о неудаче в изображении характера Пленника (Н. Н. Раевский, П. Я. Чаадаев, М. П. Погодин и др.). Однако

---

¹ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина, АН СССР, 1950 г.

литературные соратники Пушкина из декабристской среды в общем одобряли поэму. Между тем, они, как правило, не склонны были в своих произведениях задерживаться на описании интимно-любковых настроений своих героев, отдавая предпочтение изображению других более сильных и благородных чувств.

Любовь никак нейдет на ум;
Увы! Моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет,—

декларативно заявлял Рылеев, отказываясь от любовной тематики.

Да и сам Пушкин в этом же духе неоднократно рассуждает о долге поэта. Незадолго до начала работы над «Кавказским пленником» он написал стихотворение «Мне бой знаком» (1820), в котором, как и Рылеев, выражает свое отношение к политическим событиям времени, декларирует весьма знаменательно свой гражданский долг:

Мне бой знаком—люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний недостоин.

(1, 388).

Могла ли эта декларация не относиться к оценке поведения его современника? Известно, что это стихотворение читалось поэтом в кружке «Зеленая лампа», т. е. выносилось на обсуждение его идейных друзей. Приступая к работе над поэмой, в которой основной целью было изображение своего единомышленника-современника, Пушкин не мог не выразить в ней своего революционного пафоса. Как мы уже выяснили, герой поэмы одержим идеей свободы.

Понятно, что любовная тема в поэме была известной данью романтической традиции и поэтому не имела существенного значения в идейном содержании ее, так как не она выражала пафос Пушкина.

Несмотря на ходульную приподнятость романтических образов (надежду, что Пушкин сведет поэзию с ходуль, выражал Н. Н. Раевский, писавший поэту об этом), Пушкин правильно отразил в произведениях романтического периода основные черты характера передового представителя дворянского общества, декабриста. Поэтому Белинский назвал поэму «Кавказский пленник» исторической, а Пленника—героем того времени. «И Пушкин,—писал критик,—был сам этим пленником, но только на ту пору,

пока писал его».¹ Белинский подчеркнул очень важную для понимания романтических образов Пушкина мысль: положительный герой субъективно близок поэту, в то же время он соответствует его романтически настроенному современнику.

Таким образом в герою поэмы «Кавказский пленник» типические черты передового представителя дворянского общества преломлены через настроения поэта того времени.

Наличие субъективно-авторского начала в образе Пленника настойчиво подтверждает сам Пушкин уже в посвящении поэмы Н. Н. Раевскому:

Ты здесь найдешь воспоминанья,
Быть может, милых сердцу дней,
Противоречия страстей,
Мечты знакомые, знакомые страданья
И тайный глас души моей...

и т. д.

В письме к В. П. Горчакову он прямо указывает на автобиографичность своего героя: «Характер Пленника неудачен; доказывает, что я не гождусь в герою романтического стихотворения» (X, 49. — Подчеркнуто мной—М. М.).

Декабристы были по преимуществу романтиками и в области социально-политических, и в области эстетических взглядов. В своих расчетах уничтожить в России самодержавно-крепостнический строй они опирались не на трезвое понимание реальных возможностей, а прежде всего на сознание правоты и благородства их помыслов, на веру в собственные силы. Отсюда ошибочность их тактики военной революции, ошибочность борьбы без опоры на народ. С этим связана героизация личности в художественных произведениях писателей-декабристов, абстрактный подход к ее изображению, невнимание к типическим обстоятельствам, обусловившим ее поступки. По причине идеалистических взглядов на жизнь декабристы отрывались от почвы, породившей их идеологию (прежде всего роста национального самосознания народа).

А. Бестужев свидетельствует: «Он Рылеев веровал, что если человек действует не для себя, а на пользу ближних и убежден в правоте своего дела, то значит само провидение им руководит. Это мнение частично делили с ним многие из нас»².

Романтические произведения Пушкина соответствовали эстетическим взглядам декабристов и естественно поощрялись ими.

Но Пушкин уже к середине 20-х гг. преодолевает романтизм в своих социально-политических и философских взглядах. С этим связан и переход его на позиции критического реализма в художественном творчестве, которой симптоматично ощущается уже в поэме «Цыганы». Он уходит далеко вперед в творческой разработке нового художественного метода не только по сравне-

¹ В. Г. Белинский, Сборн. соч. в 3-х томах, т. III, стр. 440, 442.

² «Восстание декабристов», т. 1, стр. 444.

нию со своими современниками в русской литературе, но и в зарубежной.

Нас интересует прежде всего, как этот переход к реализму отразился на облике положительного героя из дворян.

«Отступник света» Алеко так же, как и герой «Кавказского пленника» протестует против «неволи душных городов», против «образованного разврата», бежит от светского общества в среду полудиких кочевников-цыган в поисках свободы.

Однако Алеко не принадлежит к той части передовых дворян, которая боролась с ненавистными ей общественными порядками, т. е. к лагерю декабристов. Его протест носит пассивный характер, а потому и непоследователен. Пушкин в период перехода на позиции реализма уже не мог идеализировать своего героя и показал его ущербные черты—эгоизм, как результат растлевающего воздействия светской среды, из которой вышел герой.

В реалистических произведениях положительный герой изображается во всех сложных взаимоотношениях с окружающим миром. И так как он является типическим характером в типических обстоятельствах, а не схемой идеального героя, то нередко не соответствует требованиям идеала. Тем более, что положительного героя Пушкин ищет среди дворян.

Герой романа «Евгений Онегин» (1823—1831)— передовой представитель дворянского общества, психологически близкий самому автору. Недаром поэт неоднократно напоминает об этом.

Онегин—враг пошлости, лжи и лицемерия, решительный противник крепостничества. По цензурным условиям Пушкин не мог открыто сказать все о политических убеждениях своего героя. Но даже в подцензурном тексте обнаружим немало выразительных намеков, позволяющих сделать правильное заключение в этом направлении. По мнению соседей-крепостников, Онегин—«опаснейший чудак». Он отменил барщину своих крепостных, заменив ее легким оброком, он тяготился жизнью помещика-душевнодольца, он не верит «мира совершенству» и т. д. Из целого ряда вариантов и черновых набросков, особенно из «Путешествия Онегина» и X главы, мы можем заключить, каким мог бы предстать герой Пушкина, если бы поэт дал волю своему голосу.

Предсказывая рылеевскую судьбу друга Онегина Ленского, Пушкин несомненно размышлял о судьбе декабристов вообще. Образы повешенных и томящихся в сылке врагов крепостнического рабства, декабристов, неизменно вставали перед поэтом после 14 декабря.

Некоторые исследователи стихотворного романа Пушкина правильно отмечают перемену всего тона романа, вторжение декабристских мотивов, начиная с V и особенно в VI главе.¹ Это вполне

¹ См. работы: Н. Н. Ф а т о в, «О Евгении Онегине А. С. Пушкина». Уч. зап. Черновицкого гос. университета, т. XIV, вып. филологический, 2. 1955; Д. Д. Б л а г о й, «Творческий путь Пушкина», М.—Л. 1950; И. М. Д е г т я р е в с к и й, «Работа Пушкина над образом Онегина», сб. Пушкин. в школе. Изд. АПН РСФСР, М. 1951, и др.

закономерно, ибо вооруженное выступление и разгром декабристов не могли не оставить глубоких следов в психологии поэта. Работая над романом после 14 декабря, Пушкин неминуемо должен был соотносить образы своих положительных героев с обликом героических представителей своего поколения.

Если, образы Онегина и Ленского в идее их зарождения явились результатом близкого общения с лучшими представителями дворянской интеллигенции и их пристального изучения еще за несколько лет до выступления декабристов, то после их восстания Пушкин убедился, что большинство его друзей-единомышленников были членами тайных обществ, о чем до того он мог лишь смутно догадываться. Таким образом уже в первых главах романа в образах Онегина и Ленского, как представителей передовой дворянской интеллигенции, был потенциальный декабризм.

События 1825—1826 гг. поставили перед Пушкиным очень сложную задачу продолжения романа в изменившихся политических условиях, определивших драматическую судьбу близких ему идеологически и психологически лучших людей своего класса—и активных участников декабристского движения и оставшихся за пределами тайных декабристских организаций оппозиционно настроенных к существующему режиму дворян. Перед поэтом встала альтернатива: или дать декабристскую биографию главного героя романа—значит роман приобретет нецензурный характер,—или дать биографию попутчика декабристов, «лишнего человека», что вполне было осуществимо в подцензурной редакции.

Как видно, поэт выбрал второй путь, и в этом выборе не малую роль играло желание донести свое любимое детище до читателей в завершенном виде.

Черновые варианты и особенно X глава красноречиво подтверждают наличие другого бесцензурного плана продолжения романа.

Если допустить, что в перспективе Онегин—декабрист (ориентировки возможных декабристских судеб Ленского и Онегина, несмотря на некоторую их неясность и недоговоренность, все же даны), то предсказание в строфе XXXVIII шестой главы, опущенной в канонической редакции и сохранившейся в копии В. Ф. Одоевского.

Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раз дохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нильсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев—

может быть отнесено также и к Онегину.

Чтобы правильно понять пути поисков положительного героя

в реалистическом творчестве Пушкина, важно уточнить характеры Онегина и Ленского в отношении их к декабризму.

Если в Ленском Пушкин и видел возможного участника событий 14 декабря, то надо полагать, он понимал неустойчивый характер декабризма мечтателя, оторванного от живой русской действительности. Не случайно поэт указывает на внешний фактор идейно-политического формирования героя. Ленский «из Германии туманной привез учености плоды, вольнолюбивые мечты». Поклонника Канта не отпугивает крепостническая идиллия Лариных, у которых он довольно мирно встречается со Скотиниными, Буяновыми, Пустяковыми, Гвоздиными и т. п. сбродом (Ср. с отношением Онегина к этому обществу и Чацкого к Фамусовскому в «Горе от ума»). Недаром Пушкин наметил возможную другую перспективу характера Ленского—перерождения его в заурядного типичного помещика-душевлладельца:

Прошли бы юности лета;
В нем пыл души бы охладел.
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне счастлив и рогат
Носил бы стеганный халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,
Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел.
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и лекарей.

Пушкину несомненно было ясно, что наиболее устойчивое ядро декабризма составляли люди, выросшие на русской почве. С такими людьми поэт неоднократно встречался. Многие из них отнюдь не были отрешенными от жизни романтиками, а трезвыми глазами смотрели на окружающее. Идейный пафос большинства декабристов шел от неприятия живой современности. Психологическое состояние передовых дворян пушкинского времени характеризуется так называемой рефлексией. Поэтому пессимизм и скептицизм реалиста Онегина, как и возвышенная мечтательность романтика Ленского, неминуемо вели к декабризму.

«Онегинство» было типическим явлением в настроениях передовой дворянской молодежи как в годы нарастания декабристского движения, так и после 14 декабря.

Можно согласиться с выводами тех исследований, которые считают Онегина в перспективе осуществления всего пушкинского замысла романа декабристам. Разочарованность, «охлажденный ум» героя романа были психологической предпосылкой его возможной декабристской биографии. Пушкин имел возможность часто наблюдать эти черты в психологии своих современников из декабристского окружения и естественно стремился воплотить

их в типическом образе передового представителя своего класса¹.

Дружба Онегина с Ленским—очень характерный мотив для понимания идейного наполнения обоих образов. Она обусловлена отнюдь не случайной встречей скучающих в деревенской глуши культурных людей. В основе ее прежде всего—общая оппозиция к современному социально-политическому строю. Недаром поэт, характеризуя дружеские споры героев, указывает на их политическую и философскую тематику:

Меж ими все рождало споры
И к размышлению вело:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,—
Все подвергалось их суду.

В то же время поэт подчеркивает интеллектуальное превосходство Онегина над Ленским, жизненный опыт его и нетерпимое отношение к пошлости окружающей действительности.

Снисходительность Онегина к заблуждениям своего друга в понимании жизни («Он охладительное слово в устах старался удержать»)—весьма важная черта в характере героя, указывающая на его благородство, на уважение к «нас возвышающему обману», не чуждое, как известно, самому Пушкину.

Реалист Пушкин однако не захотел своего наиболее законченного положительного героя—дворянина лакировать в угоду своему идеалу. В Онегине мы обнаружим некоторые отрицательные черты, являющиеся родимым пятном его класса. Ненавидя пошлость светского общества, Онегин сам остается в плену его предрассудков. Он не находит в себе достаточно сил бороться с окружающей пошлостью крепостников. Поэт постоянно иронизирует над непоследовательностью своего героя.

Эту особенность пушкинского героя хорошо подметил Герцен. Признав большую типизирующую силу образа Онегина в обобщении основных черт психологии передового представителя дворянского общества («Все мы более или менее Онегины, если только не предпочитаем быть чиновниками или помещиками»), Герцен

---

¹ «Мы должны сказать,—пишет Н. Л. Бродский,—что при известных обстоятельствах перед Онегиным его же ум и «ропанье вечное души» могут оставить на очередь необходимость перестроить его обычную жизнь, могут выдвинуть то чувство долга, когда личное, доселе эгоистическое, будет понято им как личное, связанное с общественным делом. Пушкин так и собирался кончить биографию Онегина. Но для того, чтобы возник план включить Евгения в ряды декабристов, требовались посылки в интеллекте и мировоззрении пушкинского героя. В пушкинском понимании героя они, очевидно, были» (Н. Л. Бродский. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина, Л'чпедгиз, 1950, стр. 106).

вместе с тем указал на «родимые пятна» героя: «Мы в тягость другим и самим себе, праздные, бесполезные, капризные... мы переходим от эксцентричности к кутежу, без сожаления растрачивая наше состояние, наше сердце, нашу юность в поисках занятий, ощущений, развлечений... мы всем занимаемся, чтобы только рассеяться, чтобы только забыться от гнетущей нас пустоты».¹

Как видим, Герцен включает самого себя в число людей, обобщением которых явился образ романа Пушкина, и тем самым подчеркивает отражение в «Евгении Онегине» животрепещущей действительности того времени.

В «Повестях Белкина» (1830) положительный образ представлен прежде всего самим повествователем Иваном Петровичем Белкиным, который во многом выступает как единомышленник Пушкина. Отношение Белкина к крестьянам характеризует его как просвещенного дворянина. Он сознательно ослабил в имении «строгий порядок, заведенный его родителями», сменил «исправного и расторопного старосту», которым были недовольны крестьяне и поручил управление имением старой ключнице, «обретшей его доверенность», хотя «сия глупая старуха не умела никогда различать двадцатипятирублевой ассигнации от пятидесятирублевой». Крестьянам таким образом нечего было опасаться каких-либо притеснений с ее стороны, тем более, что она была всем в селе кума. Белкин отменил барщину, заменив ее легким оброком «но и тут крестьяне, пользуясь его слабостью, на первый же год выпросили себе нарочитую льготу, а в следующие более двух третей оброка платили орехами, брусничкой и тому подобным», а затем и совсем перестали платить оброк. По существу Белкин уничтожил у себя крепостное право, предав дело по имени «распоряжению всевышнего». В то же время он проявляет большую заботу о благополучии крестьян. Он остается очень доволен, когда узнает, что за период его управления «число крестьян умножилось, число дворовых птиц и домашнего скота (помещика) нарочито уменьшилось» (подчеркнуто мной— М. М.) В черновой рукописи предисловия «От издателя» гуманный облик Ивана Петровича Белкина еще более подчеркнут сравнением его с опекуном—крепостником, который безжалостным ограблением довел крестьян до голодной смерти. Белкин «ни образом мыслей, ни нравом» не сходствовал со своим опекуном (VI, 79—84, 716—717).

В условиях жестокой политической реакции и страшного цензурного произвола, царивших после подавления декабристского движения напечатать антикрепостническое произведение было нелегко. Это и учитывал Пушкин, создавая «Повести Белкина».

Пушкин прикрывается от цензуры двойным щитом: образом повествователя, гуманного помещика-простака, и образом соседа Белкина, помещика-крепостника. Себя Пушкин выдает за бес-

¹ А. И. Герцен. П. с. с., т. VI, 1919. с. 247.

пристрастного издателя, печатающего не только сочинения Белкина, но и предпосылающего им «безо всяких перемен и примечаний» в качестве предисловия «почтенное письмо» к нему соседа Белкина.

Между тем в этом письме последовательно выражены антикрепостнические идеи, которые нашли свою конкретизацию в образе просвещенного дворянина Петра Ивановича Белкина, нарисованном скупыми, но весьма выразительными штрихами.

Пушкин изображает Белкина, его поведение глазами соседа — крепостника. Однако образ мыслей «почтенного мужа», иронизирующего над наивностью своего незадачливого «друга», не мешает правильному восприятию пушкинских идей. Он лишь является своеобразным громоотводом, отвлекающим внимание охранителей современного социального строя, подкупающим их своей благонамеренностью. Для большего эффекта Пушкин считает нужным указать также на «благонамеренный» образ мыслей самого издателя, заставляя его высказать уважение к «драгоценному памятнику благородного образа мыслей», к письму крепостника.

Здесь мы имеем дело с примечательным образцом, так сказать, двойной пушкинской иронии: «почтенный муж» — крепостник снисходительно, с сознанием собственного умственного превосходства, смотрит на чудачества, как ему кажется, наивного и слабоумного Белкина, не понимающего своих выгод и пренебрегающего его наставлениями по управлению имением; в то же время «издатель» иронизирует над снисходительностью и «трогательным дружеством» крепостника, не понимающего подлинного смысла поведения Белкина. В заключительной фразе предисловия «издатель» выражает надежду, что публика сама сумеет оценить «искренность и добродушие» чувств и сообщений в публикуемом письме, т. е. Пушкин наверняка рассчитывал, что читатели на основании «достаточных биографических известий» о повествователе, сообщенных в письме, сумеют правильно разобраться в его характере, независимо от мнения автора письма, без труда поймут иронический смысл «уважения» издателем, т. е. самим Пушкиным, «благородного образа мнений» крепостника.

Расшифровка слегка завуалированных антикрепостнических идей, выраженных в письме к «издателю», не представляет особых затруднений. Они воплощены в образе Белкина, гуманный, передовой облик которого выявляется через объективную констатацию основных черт его характера: он «мягкосердный», «кроткий и честный», с «истинно девической стыдливостью», жертвует личными интересами в пользу крестьян, ведет скромный неприхотливый образ жизни и т. д. В черновой редакции эти качества еще более подчеркнуты примечательным характером его взаимоотношения с крестьянами («не было во всем околотке помещика, более любимого и менее получающего дохода»).

«История села Горюхина» (1830) в значительной степени

уточняет идею пушкинского образа просвещенного дворянина. Примечательно то обстоятельство, что эта идея здесь ассоциирована с обликом Радищева, как примером героического поведения в борьбе с самодержавием и крепостничеством.

Исследователи уже указывали на несомненный факт близости содержания пушкинской «Истории» с радищевским «Путешествием». Однако до сего времени никто еще не обратил внимания на близость самого образа повествователя «Истории Горюхина» с автором «Путешествия». Между тем Пушкин целой системой намеков в автобиографии Белкина, предпосланной «Истории села Горюхина», всячески подчеркивает, что Белкин-беллетрист ориентируется в своем поведении прежде всего на героический опыт автора «Путешествия». Сама «История» с ее уничтожающей сатирой, направленной против всей системы крепостничества и с идейно-композиционной установкой на изображение крестьянского восстания, является подтверждением ориентации на Радищева. Белкин понимает, предпринятый им труд как выполнение высокого долга—«быть судиею, наблюдателем и пророком веков и народов» (VI, 182). Перед тем, как приступить к написанию «Истории Горюхина», он «грыз перо и думал об опыте сельских проповедей» (VI, 183). Конечно, не о церковных проповедях сельских священников и т. п. думал Белкин, а, надо полагать, о проповедях Радищева и декабристов, восставших против крепостнического рабства. И торжественно-патетический тон заключительных строк автобиографии Белкина, в которых дана высокая самооценка совершенного им труда, хорошо подтверждает нашу мысль. «Ныне,—пишет Белкин,—как некий мне подобный историк, коего имени я не запомню, кладу перо и с грустью иду в мой сад размышлять о том, что мною совершено. Кажется и мне, что написав Историю Горюхина, я уже не нужен миру, что долг мой исполнен и что мне пора опочить» (VI, 184).

Подобный Белкину историк, имени которого он не мог назвать по цензурно-тактическим соображениям,—А. Н. Радищев. Белкин недвусмысленно намекает на знаменитую книгу Радищева, издание которой—поистине трудный героический подвиг, стоивший автору смертного приговора. Намек на опыт Радищева подтверждается и сходством в манере письма, которая в приведенном заключительном абзаце белкинской автобиографии является экстрактом радищевской эмоции-размышления в его «Путешествии»¹.

Как антикрепостник задуман герой наброска «Романа в письмах». Он решительно протестует против злоупотребления помещика своей властью над крестьянами, осуждает крепостное право в принципе, не находит оправдания для дворян, забывших

---

¹ Исследованию образа Белкина автор настоящей работы посвящает специальную статью, которая подготовлена к печати.

свой долг по отношению к народу. «Небрежение, в котором мы оставляем наших крестьян, непростительно. Мы оставляем их на произвол плута—приказчика, который их притесняет, а нас обворовывает» (VI, 73).

В «Рославлеве» (1831) на первый план в положительном образе просвещенного дворянина выдвигается патриотический долг его перед родиной и народом. При этом весьма характерно то, что Пушкин сделал носителем патриотической идеи женский образ—персонаж. Тем самым он вплотную подошел к той постановке проблемы эмансипации женщины, которую подхватит следующее поколение великих русских писателей (Герцен, Тургенев, Гончаров, Некрасов, Чернышевский).

Образ Полины в «Рославлеве»—следующий этап в творчестве Пушкина по пути требования полного раскрепощения женщины, если сопоставить его с таким носителем авторской нравственной идеи, как образ Татьяны в «Евгении Онегине». Татьяна отстаивает свое право на счастье, так сказать, в семейно-личной сфере. Полина требует считаться с мнением женщины в общественной жизни. Для Пушкина, как это видно по всему его творчеству, не было сомнений в том, что женщина должна пользоваться равноправием во всех сферах общественной жизни. Отсюда закономерное воплощение облика «гражданина с душою благородной» в женском образе.

Полина выше окружающего ее аристократического общества и в культурном и в нравственном отношении. Она живо интересуется политическими событиями не только в своей стране, но и за ее пределами, хорошо знакома с идеями французских просветителей, сочинения которых она внимательно прочла. Она горячо любит свою родину, верит в свой народ, гордится его героической борьбой за свою независимость. Она убеждена, что «народ, который назад тому сто лет отстоял свою бороду, отстоит в свое время и свою голову». Именно эту ее мысль выразила мадам де Сталь в реплике светским пошлякам. Полину до глубины души возмущает модное аристократическое общество с его развратом, некультурностью, подражением иностранцам, презрением к своей родине и народу, общество, которое «дурачится в гостиных» в то время, когда братья их умирают на поле сражений.

Пушкин подчеркивает демократический патриотизм своей героини, противопоставляя его квасному патриотизму завсегда-таев аристократических салонов.

Пушкин не случайно облачает повествование в полемическую форму. Он ставит своей целью разоблачить узурпацию правящими классами побед русского народа. Для него неприемлема точка зрения Загоскина. Последний в романе «Рославлев или русские в 1812 году» в угоду реакции искажал смысл исторических событий недавнего прошлого, выдвигая на первый план в победе над Наполеоном заслуги правящего сословия, которое яко-

бы выступило единым в патриотическом порыве защищать родину от нашествия французов.

Подчеркнув основную заслугу народа в победе над французами, Пушкин дифференцированно изображает поведение дворянства в Отечественной войне, выделяет из его среды людей, близко стоящих к народу, понимающих свой гражданский долг, и противопоставляет их преобладающей пошлости правящих классов.

В наброске «Русский Пелам» (1834—1835) намечена интересная линия связей героя с декабристами («Обществом умных»). Последующее «разбойничество» героя вызвано, нужно полагать, взаимоотношением с крепостниками, как в «Дубровском». Это подтверждается такими набросками плана: «Пелам в деревне— (эпизод жены Ф. Орлова). Соседи—жизнь русских помещиков» (VI, 773). В набросках плана говорится о том, что Ф. Орлов доходит до разбойничества по причине нищеты, в нем замешан также Пелам. Правда, о каких-либо связях с протестом крепостных крестьян в плане речи нет. Но критика глубокой развращенности представителей светского общества сразу бросается в глаза. Герой романа, который покаялся «быть вечно верным дружбе и человечеству» (VI, 598), несомненно должен был противостоять его окружению.

Сопоставляя наброски «Русского Пелама», можно предположить, в каком основном направлении должно было идти повествование Пушкина. Уже из названия романа, которое восходит к роману английского писателя Эд. Бульвера «Пелам или приключение одного джентльмена» (1828) видно, что Пушкин, должен был остановиться на отношении дворянина к государственной службе. Герой бульверовского романа, беспринципный карьерист, делает политическую карьеру, не гнушаясь никакими подлыми средствами. Пушкинский герой, надо полагать, должен был противостоять бульверовскому, как просвещенный дворянин.

Образы положительных дворян намечаются в ряде других набросков Пушкина начала 30-х гг—в «Отрывке» (1830), «Романе на кавказских водах» (1831), «Записках молодого человека» (1829—1830).

Герой «Отрывка» более всего дорожит славой своих предков и равнодушен к богатству. Он резко отрицательно относится к представителям правящего сословия и их прислужникам. «Он не любил общества своей братии литераторов, кроме весьма немногих... Иные казались ему скучными по своей глупости, другие несносными по своему тону, третьи гадкими по своей пошлости, четвертые опасные по своему двойному ремеслу» (VI, 588).

Герой «Романа на кавказских водах» Якубович напоминает известного декабриста А. И. Якубовича. Поведение и поступки характеризуют его как положительного героя—дворянина: он сослан на Кавказ, здесь отличается исключительной храбростью, становится участником восстания 14 декабря.

Герой «Записок молодого человека» также намечался в тесных

ассоциациях с размышлениями Пушкина над судьбой декабристов. Он «безземельный дворянин», т. е. представитель, так сказать, дворянской интеллигенции, произведен в офицеры Черниговского полка и направляется по окончании кадетского корпуса в Васильков, один из центров декабристского движения на юге. По-видимому, он должен был оказаться в горниле декабристского восстания на юге.

Сочувственный интерес Пушкина к дворянским революционерам, прослеженный нами, очень важная деталь для понимания образа положительного героя. Правда, по известным причинам, этот образ не был развернут, не получил своего законченного художественного оформления, однако мы имеем все основания судить о нем по тем дошедшим до нас лаконическим планам и наброскам, которые поэт держал для себя. Они характеризуют нам направление размышлений его о своем нравственно-эстетическом идеале.

В связи с усиливающимся антикрепостническим движением крестьянства, грозными сигналами которого были многочисленные волнения и бунты в начале 30-х гг, Пушкина волнует проблема крестьянской революции и отношение к ней передового просвещенного дворянства. Не случайно в целом ряде написанных произведений и набросков тема крестьянского восстания в центре его внимания.

В этом плане интересна разработка Пушкиным положительного образа дворянина, преодолевающего сословно-классовую ограниченность, стоящего на повороте от декабризма к революционному демократизму.

В незаконченном романе «Дубровский» гуманный, честный, просвещенный дворянин Владимир Дубровский переходит к активной борьбе против крепостников-помещиков, не только присоединившись к восставшим крестьянам, но и вдохновляя их на борьбу со своими угнетателями. Очень важно отметить здесь то обстоятельство, что Пушкин считает возможной консолидацию сил передовых просвещенных дворян и крестьян в единой борьбе с деспотизмом крепостников. Важно также учесть, что в романе эта борьба не приобретает характера принципиальной классовой борьбы крестьян с помещиками. Разбойники Дубровского нападали не на всякого помещика, а только на крепостников, безжалостно обирающих и эксплуатирующих своих крепостных, при этом в убийствах Дубровского «никто не обвиняет» (VI, 269). Ясно, что классовая ограниченность Пушкина, как представителя дворянской революционности, мешала ему понять непримиримость классовых интересов помещиков и крестьян. Несмотря на беспощадную критику крепостников, Пушкин все же оставался сыном своего класса.

В «Капитанской дочке» (1836), судя по истории работы над романом, проблема поведения просвещенного дворянина перед лицом начавшейся крестьянской революции занимала главное внима-

ние Пушкина. Правда, в итоге работы по созданию произведения эта проблема оказалась отодвинутой на второй план в связи с изображением самого Пугачевского восстания и его вождя. Более того, выявляя социально-исторические корни и движущие силы крестьянской революции, Пушкин не находил достаточных оснований для идеологического решения поставленной проблемы. К этому следует прибавить и соображения о невозможности выведения положительного героя—дворянина, участника Пугачевского восстания, по цензурно-тактическим причинам. Отсюда появление в романе благонамеренного дворянина, «случайно» оказавшегося в близком общении с Пугачевым, но не изменившего долгу перед правительством.

Исследователи «Капитанской дочки» справедливо отмечали эволюцию, которую претерпел дворянский герой в процессе осуществления замысла романа¹. Однако несмотря на то, что Гринев уже не является воплощением пушкинских представлений об идеале просвещенного дворянина, в нем нетрудно обнаружить целый ряд черт, присущих положительным героям Пушкина. Он честен, благороден, гуманно относится к людям, верит в доброе чувство и справедливость народа, не случайно поэтому его симпатии к Пугачеву и обращение к нему за помощью (например, добровольный приезд к Пугачеву в Бердскую слободу искать **справедливого** суда над Швабриным). В мыслях Гринева, при всей их благонамеренности по отношению к правительству, можно обнаружить немало скрытых и открыто выраженных суждений, совпадающих со взглядами Пушкина.

Гринев отрицательно относится к жестокости карателей. Он проникается глубоким сочувствием к жертвам их, например, когда видит плывущую по реке виселицу (Пропущенная глава) или изуродованного пленного башкирца. В то же время он не склонен долго задерживаться на описании своих чувств при виде жертв Пугачева, даже когда речь идет о близких ему людях—родителях Маши. Описывая свой путь по местам восстания, Гринев не забывает подчеркнуть такую деталь, как ограбление крестьян войсками карателей: «Мы проходили через селения, разоренные бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей, что успели они спасти» (VI,524). Оговорка здесь «поневоле» несомненно введена Пушкиным как компромисс с цензурой. Смысл «разорения» селений пугачевцами уточняется «Историей Пугачева», где Пушкин пишет, что отряды повстанцев «устремилась во все стороны (...), грабя казну и достояние дворян и не касаясь крестьянской собственности» (VIII,27). Заслуживает внимания сильное чувство, которое влечет Гринева к Пугачеву, желание спасти его голову (VI,517). Не случайно Гринев воспроизводит в своих записках слова Пугачева: «Я еще не такой злодей, как думает обо мне

---

¹ См. работы В. В. Томашевского («Временник», т. 4—5) и Ю. Г. Оксманна («Лит. насл.», вып. 16—18).

ваша братия» (513). Интересен в этом отношении и пророческий сон Гринева в начале романа, в котором образ отца героя сливается с образом «страшного мужика» с черною бородою, ласково благословляющего Петрушу с позволения матери. Сон этот, по мнению исследователя¹, имеет символическое значение: в нем надо усматривать признак заговорившей совести дворянина, осознавшего свою оторванность от народа и необходимость выполнения своего общественного долга. Надо полагать, что в словах Гринева: «Совесьь моя была чиста; я суда не боялся» (VI,526) вложена мысль не только о непричастности его к Пугачевскому восстанию, но и о честности поведения по отношению к народу и в частности к Пугачеву. Ведь с точки зрения официально-дворянской чести Гринев совершил тяжелое преступление, ибо не принял решительных мер к наказанию «злодея», кровного врага дворян, более того, он вошел с ним в связь, признал за ним моральное право судить и миловать дворян (хотя бы по отношению к Швабрину, Маше Мироновой и себе), недвусмысленно симпатизировал Пугачеву, желал его спасти, пока не потеряно время, и т. д. Гриневу было хорошо известно, что целью Пугачева было «ниспровержение престола и истребление дворянского рода». Недаром его судили за измену. Из финала повести мы узнаем, что Гринев не оправдан, а помилован.

2

В связи с поражением декабристского восстания Пушкин особенно настойчиво размышляет о ближайших социально-политических судьбах России. Взаимоотношения его со своим классом усложняются.

Он не порывает идеологических связей с декабристами и по-прежнему ставит их в пример гражданского служения родине и народу. В известном послании «В Сибирь» поэт заверяет друзей-декабристов, томящихся на каторге, что просвещенное потомство доведет начатое ими дело до конца. Он считает своим прямым долгом воспитать новое поколение, которому предстоит сложные задачи борьбы за прогрессивное развитие страны, пытается дать определенный ответ на вопрос: каким должно быть поведение просвещенного дворянина в условиях последекабристской реакции и перед лицом надвигающейся угрозы крестьянской революции.

Пушкин привлекает к обсуждению вопроса о роли дворянства в общественно-политической жизни страны также своих литературных соратников. Так, например, в письме от 16 марта 1830 г. Пушкин обращается к П. А. Вяземскому с предложением использовать благоприятный момент и выступить с развернутыми суждениями о дворянстве. «Государь,—пишет он,—уезжая, оставил в

¹ В. В. Е р м и л о в. Наш Пушкин, Госполитиздат, М. 1949, с. 66—67

Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра. Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных—вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу» (X,247).¹

Действительно, в 30-е годы политическая проза в творчестве Пушкина имеет преобладающее значение. Разумеется, «великие предметы» находят в ней свою реализацию. Центральное место в ряде осуществленных произведений и неосуществленных замыслов, дошедших до нас в виде планов и набросков, занимает тема просвещенного дворянства.

По инициативе Пушкина разворачивается острая полемика о дворянстве на страницах «Литературной газеты» и «Северной пчелы».

Правильно утверждает Б. П. Городецкий, что вся «система взглядов Пушкина на дворянство в обстановке тридцатых годов являлась не чем иным, как выражением своеобразной витуренной оппозиции и к монархии Николая I, и к новой аристократии, и к «аристократии богатств».

Однако пока еще нет сколько-нибудь полного и ясного изложения этой системы взглядов поэта. Случайные экскурсы исследователей, привлекающих лишь отдельные высказывания Пушкина о дворянстве, не могут нас удовлетворить. Вырванные из общего контекста общественно-политических воззрений поэта, эти высказывания нередко истолковываются произвольно и, конечно, не дают всех оснований разобраться в противоречиях мировоззрения и творчества Пушкина.

Действительно ли Пушкин в своей оппозиции к правящему сословию, как утверждает исследователь,² не видел выхода из круга исторически сложившихся социально-политических обстоятельств?

В стихотворении «Предчувствие» (1828), написанном в период напряженных идеологических поисков, вызванных поражением декабристов, Пушкин писал:

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть еще спасенный,
Снова пристань я найду...

Поэт не договорил свои мысли, поставив загадочное многоточие. Мы склонны видеть здесь не только тревогу Пушкина в связи со следствием над ним по поводу стихотворения «Андрей Шенье»

¹ Речь идет о проекте нового закона, противостоящего петровской «табели о рангах». По этому закону закрывались пути в дворянство посредством продвижения в службе.

² Б. П. Городецкий. Драматургия Пушкина, АН СССР, 1953, с. 322.

и «Гавриилиады», но главным образом надежду найти идеологическую пристань после разгрома декабристского восстания. Уяснение пушкинской концепции просвещенного дворянства и поможет понять эту пристань, поможет ответить на вопрос о социально-политических взглядах поэта более уверенно.

Дворянство в понимании Пушкина—исторически сложившееся сословие, существование которого оправдывается интересами общенационального и общенародного характера.

В заметках «О дворянстве» (1830—1835), в которых сконцентрированы наиболее существенные суждения Пушкина об институте дворянства, мы читаем: «Что такое дворянство»—Потомственное сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? народом или его представителями. С какою целью? с целью иметь мощных защитников или близких ко властям и непосредственных представителей. Какие люди составляют сие сословие? Люди, которые имеют время заниматься чужими делами... Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (честь вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить—или задушить.—Нужны ли они в народе так же, как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они la sauvegarde трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества» (VII, 538—539).

Здесь вся пушкинская концепция просвещенного дворянства.

Как видим, дворянство не отгораживается Пушкиным от народа, оно лишь надделено некоторыми преимуществами самим народом. Эти преимущества являются необходимым условием для эффективной защиты интересов самого народа перед государством. Чтобы быть «мощным защитником» народа перед властью, дворянство должно быть независимым от возможных соблазнов материального и т. п. характера. Эта независимость и создается преимуществами «касательно собственности и частной свободы». Но это в свою очередь накладывает на дворянство определенные обязанности по отношению к народу. Оно должно воспитывать и развивать в себе и в народе такие качества, как «независимость, храбрость, благородство (честь вообще)», т. е. лучшие национальные черты, которые хотя и являются «качествами природными», но могут быть в силу неблагоприятных условий ослаблены или совсем «задушены». Трудящемуся народу некогда развивать эти качества.

Говоря об отношении дворянства к народу, Пушкин отвергает всякую мысль о душевладении, как социальном признаке дворянства. Он настойчиво подчеркивает долг дворянства перед народом, который состоит прежде всего в защите его гражданских прав перед властью. Только тот, считает Пушкин, достоин звания дворянина, кто преданно и бескорыстно служит народу. Служить народу и быть душевладельцем, т. е. сторонником рабства народа, для Пушкина несовместимые понятия.

Основными признаками дворянства Пушкин считает высокую культуру, честь и гуманность. Дворянство должно быть носителем высокой идеи просвещения. Оно должно быть «дружиной ученых и писателей», которой общество обязано своим прогрессивным развитием, а народ—своим благосостоянием.

Просвещенное дворянство—это разум народа. Поэтому ему принадлежит ведущая роль в борьбе против деспотизма власти и крепостничества. Владея мощным оружием обнародованной правдивой мысли, истины, просвещенное дворянство может добиться необходимых социальных преобразований. «Что значит аристокрация породы и богатства в сравнении с аристокрацией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда»—писал Пушкин в своем трактате «Путешествие из Москвы в Петербург» (VII, 301).

В подобных высказываниях Пушкина имеет место несомненное просветительное преувеличение решающей силы слова в истории развития общества. Это обуславливает и известные противоречия в его политических взглядах. Для нас очень важно учесть эти противоречия применительно к пушкинскому пониманию роли просвещенного дворянства в жизни общества.

Временно, очевидно, введенный в заблуждение Николаем I, лицемерно обещавшим содействовать благу России, облегчению участи крестьян, чуть ли не проведению декабристской программы сверху, Пушкин в составленной по заданию царя записке «О народном воспитании» (1826) несомненно искренне писал: «Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренне и усердно соединиться с правительством в великом подвиге государственных постановлений» (VII, 48).

В этом высказывании нет ничего общего с официальным либерализмом. Несмотря на то, что поэт хорошо понимал предъявляемые к данной «Записке» требования, он ничем не поступался в своих принципиальных суждениях. Не случайно «Записка» вызвала неудовлетворение царя, испещерившего рукопись выразительными пометками—вопросительными знаками—и высказавшего через Бенкендорфа поэту свое предостерегающее замечание о предосудительности его образа мыслей.

В соответствии со своей концепцией Пушкин говорит в «Записке» о ведущей роли просвещенного дворянства в государстве. Он не подчиняет дворянство правительству, а лишь говорит о возможности объединения его с правительством при условии согласия последнего на «великие подвиги улучшения государственных постановлений».

Здесь налицо просветительские иллюзии Пушкина. И ошибка Пушкина не только в надежде на либеральные реформы прави-

тельства в духе программы декабристов. Николаевское самодержавие не собиралось проводить их. Об этом он мог судить по свирепой расправе с декабристами. Пушкин ошибался также в том, что попрежнему возлагал все надежды на передовых представителей своего класса, которые якобы распространением идей просвещения, гуманизма и патриотизма сумеют убедить правящие классы в целесообразности и исторической неизбежности социальных преобразований. Поэтому в «Записке» он ратовал за соответствующее воспитание «молодых дворян». Конечно, в ней он не мог по тактическим соображениям открыто говорить, в чем смысл «улучшения государственных постановлений» и как «верою и правдою» должны служить просвещенные дворяне отечеству. Он учитывал официальность своего задания, поэтому подбирал наиболее приемлемые с официальной точки зрения формулировки. Но для нас мысли «Записки» ясны и в недоговоренной их форме, в уклончивых намеках, тем более, что мы знаем о преданности Пушкина идеалам декабристов до конца жизни.

«Одно просвещение в состоянии удержать новые безумства новые общественные бедствия»,—ассоциирует Пушкин мысль своей «Записки» с декабристским восстанием. Эта мысль движется примерно в таком направлении (в расчете, что царь и правительство прислушиваются к его голосу, поймут целесообразность просвещения и не будут препятствовать его распространению): широкое распространение идей просвещения должно привести к ослаблению классовых противоречий в стране, ибо дворянство, усваивая эти идеи, будет стремиться выполнить свой долг перед народом и государством, невежество помещиков-крепостников и правящей бюрократии, не понимающих высокого назначения своего сословия, будет уничтожено, а вместе с ним исчезнет и крепостнический произвол; следовательно, будет устранена опасность «новых общественных бедствий», неминуемая при деспотическом режиме.

Пушкин идет здесь в ногу с декабристами, которые именно в этом духе рассуждали о задачах тайного общества. В программных документах, в многочисленных высказываниях декабристов распространению просвещения придается очень большое значение. «Распространение просвещения и образования,—говорит в своих показаниях следственной комиссии Николай Бестужев,—давая средство людям читать, сравнивать и замечать, необходимо должно было приводить их к понятиям о правах каждого и общих политических правилах, на котором благосостояние государств основано».¹

Пушкин считал, что декабристы должны были взяться за оружие, так как в условиях самодержавно-крепостнического произвола отстаивать идеи просвещения мирным путем было невозможно. Поэтому он неоднократно предостерегает правящее

¹ Восстание декабристов, т. II, с. 71.

сословие, предлагая ему учесть уроки недавних событий и сделать соответствующие политические выводы, настойчиво напоминает об ответственности за судьбы народа и страны, о дворянском долге.

3.

Пушкин считает, что современное дворянство в своей преобладающей массе не выполняет своего общественного долга. Оно утратило те качества, которые характеризуют его как просвещенное сословие, играющее руководящую роль в жизни: благородство, честь, гуманность.

«Русское дворянство что нынче значит? Какими способами делается дворянин?—Что из этого следует? Глубокое презрение к сему званию»,—пишет Пушкин в наброске трактата «О дворянстве» (VII, 539).

Эта лаконическая конспективная оценка современного поэту дворянства легко может быть развернута, если мы обратимся к различным материалам пушкинского наследия.

Общеизвестно резко-отрицательное отношение Пушкина к правящему сословию современной ему России, которое он подвергает уничтожающей критике на протяжении всей своей творческой деятельности. Эта критика имеет прямое отношение к его идеологическим связям с движением декабристов.

Передовые представители дворянского общества, декабристы и Пушкин, остро сознавали необходимость уничтожения в стране самодержавно-крепостнического строя, сковывающего громадные созидательные силы народа.

Мировоззрение и поэтический талант Пушкина формировались в обстановке, когда, по выражению П. И. Пестеля, «дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать».¹

На распространение декабристской идеологии охранители существующего строя отвечали усилением реакционного режима, сплочением вокруг него всех крепостнических элементов в стране. Этого не мог не видеть Пушкин. Тесное общение со светским обществом еще в юношеские годы оставляет у него много сильных впечатлений о жизни «почетных подлецов» и естественно стимулирует его революционную зарядку, тем более, что эти годы совпадают с волной общественного подъема в России. Воспринимая декабристские идеи, Пушкин становится в открытую оппозицию к правящему режиму. Он стремится включиться в активную борьбу за новую Россию, яростно набрасывается на вдохновителей реакции и ратует за решительные социальные преобразования, отвечающие коренным интересам народа и страны.

Уже в отроческой поэме «Бова», написанной под влиянием одноименной поэмы Радищева и отражающей в известной степени

---

¹ Восстание декабристов, т. IV, с. 105.

народные представления о государственной власти (в основу ее положена народная сказка), обнаруживаем сатирическое изображение высшей правящей бюрократии. Члены Государственного совета царя Додона предстают в изображении Пушкина как своеобразное собрание тупоголовых звероподобных существ, возглавленное тираном, который «мир крещеный потопил в крови». В поэме заключены недвусмысленные намеки на современность. Так, царь Додон, незаконно занявший престол, преступив через труп Бендокира Слабоумного, сопоставляется с Наполеоном, «в ничтожество низвергнутым Александром». Очевидно, что сам грозный ангел Александр I, который темными путями «достиг венца со скипетром», напрашивается на аналогию с царем Додоном.

Политически злободневной сатире учится Пушкин у И. А. Крылова. В известное отроческое стихотворение «Городок» он вводит образы крыловской шутотрагедии «Подщипа». Пушкина снова занимает картина бездействующего Государственного совета:

Здесь князь лежит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятении
Плененные цари,
Играют в кубари.
Забыв войну, сраженья,

(1,97).

В условно-литературную форму перечисления домашнего «городка», мы видим, врывается ирония, недвусмысленно направленная против правящего сословия. Надо полагать, что уже отрок Пушкин хорошо понимал актуальный политический смысл бичующей сатиры Крылова и не случайно не ограничился упоминанием его имени в перечне читаемых им авторов, а счел нужным передать экстрат содержания шутотрагедии, сохранив ее острый сатирический аспект.

В стих. «К Лицинию» (1815) критика представителей правящего сословия по своей политической остроте и злободневности предвосхищает знаменитую сатиру К. Ф. Рылеева на Аракчеева «К временщику» и по содержанию превосходит ее широтой обобщения социального зла. Придворное общество здесь характеризуется как длинный ряд льстецов, завистников, рабов, заискивающих перед деспотом-временщиком. В их числе и представители правосудия, блюстители законов—сенаторы. «Квири-ты гордые», т. е. свободные граждане, забыли свою честь и долг перед отечеством, отказались от независимости, слившись с шумной толпой светской развратной черни.

Обращение к древнему Риму было лишь условным приемом, используемым в то время для выражения оппозиционных политических идей. Пушкин идет здесь в русле традиций преддекабристской и декабристской поэзии.

В статье «Тень Фонвизина» (1815) юноша Пушкин, сопоставляя общественную действительность середины 18 века со своей

современностью, приходит к выводу, что успехи просвещения за прошедший период не отразились на морально-политическом облике представителей господствующего класса: «все также лицемерят»; вельможи—«знатные злодеи»,

Все столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

В целом цикле эпиграмм, значительная часть которых написана еще в юношеские годы, Пушкин рисует характерные портреты типических представителей правящей верхушки, вдохновителей крепостнической реакции. Здесь царь Александр I, его высшие сановники Аракчеев и Воронцов, продажные борзописцы самодержавия Струдза и Булгарин, реакционные литераторы Карамзин и Шишков, светские пошляки Ф. Толстой и Ланов и т. д.

Лаконичные, в несколько строк эпиграммные характеристики Пушкина поражают своей меткостью. Царя Александра I Пушкин называет венчанным солдатом, кочующим деспотом, временщика Аракчеева—притеснителем всей России, губителем просвещения, вельможу Воронцова—подлецом и невеждой, архимандрита Фотия—полуфанатиком, полуплутом, монархического публициста Струдзу—холопом венчанного солдата, графа Ф. Толстого—развратником и картежным вором и т. д.

Князь Г. со мною незнаком.
Я не видал такой негодной смеси,
Составлен он из подлости и спеси.
Но подлости побольше спеси в нем.
В сраженьи трус, в трактире он бурлак,
В передней он подлец, в гостиной он дурак.

Эта безымянная эпиграмма может служить образцом обобщенной пушкинской характеристики типического представителя светского общества.

Критика господствующего класса у Пушкина уже в юные годы выходит за пределы столичного общества, в котором он больше всего вращается в этот период, он обращает свой взор и в деревню. Ужасы крепостничества вызывают у поэта негодование против «барства дикого», присвоившего «себе насильственной лозой и труд, и собственность, и время земледельца» («Деревня», 1819).

В оде «Вольность» (1817) Пушкин беспощадно бичует «тиранов мира»; поэт видит:

«Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы.
Везде неправедная власть
В печальной мгле предрассуждений
Воссела—рабства дивный гений
И славы роковая страсть».

Вслед за Радищевым он зовет «падших рабов» к восстанию.¹

Подобные выступления Пушкина, бьющие по самой сущности самодержавно-крепостнической системы, необычайно смело бичующие «почтенных подлецов», не могли не иметь серьезных последствий в его жизни.

Охранители самодержавно-крепостнического строя были явно взволнованы «криминальным» поведением юного поэта и приложили старание, чтобы обезвредить его. В доносе Ф. В. Каразина графу Кочубею на «ученую республику» («Вольное общество») «какому-то мальчишке Пушкину, питомцу лицейскому», отводится не последнее место. Царь, получивший сведения о «крамольных» стихах юного поэта, не стал долго раздумывать о его наказании. К счастью, участь Пушкина была облегчена заступничеством его влиятельных друзей.

На юге, находясь в постоянном общении с радикально настроенными декабристами, Пушкин еще более политически возбужден. Критика господствующих классов у него в этот период принимает особенно острый характер. Интересна дневниковая запись чиновника П. И. Долгорукова, служившего в Кишиневе во время пребывания там Пушкина. «Охота взяла переводчика Смирнова,—записывает он за 27 мая 1822 г.,—спорить с ним (Пушкиным), и чем более он опровергал его, тем более Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Штатские чиновники-подлецы и воры, генералы—скоты большей частию, один класс земледельцев почтенный. На дворян русских особенно напал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если бы это было, то он с удовольствием затягивал бы петлю».²

Нет основания сомневаться в достоверности показаний Долгорукова или в искренности чувства негодования Пушкина против уродливых представителей своего класса. Подтверждением их являются произведения и письма самого поэта, относящиеся к этому времени.

В письме к брату Л. С. Пушкину из Кишинева осенью 1822 года поэт предупреждает о светском обществе: «Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты не знаешь. С самого начала думай о них самое плохое, что только можешь вообразить ты не слишком ошибешься» (X, 47).

К этому же, примерно, времени относится стихотворение «Мое беспечное незнание», в котором дается обобщенная оценка пред-

---

¹ Д. Д. Благой, уточняя семантику слова «восстаньте», считает, что Пушкин не призывает рабов к восстанию. Пушкинское «восстаньте», по мнению Благого, употреблено в значении «воспряньте». Однако даже в этом смысле обращение Пушкина к «падшим рабам» было побуждением к действию. Этого не мог не понимать и сам поэт.

² Пушкин в воспоминаниях современников, стр. 230. Ср. с записью того же П. И. Долгорукова за 30 апреля 1822 г.: «Пушкин ругает правительство», помещиков, говорит остро, убедительно, а за стульями слушают и внимают соблазнительным мыслям и суждениям...» (стр. 229).

ставителям господствующего класса, полностью совпадающая с оценкой, данной в письме к брату:

И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных, низких.
Жестоких, ветренных судей,
Глупцов всегда злодейству близких.

В «Заметках по русской истории XVIII века» Пушкин указывает на «**совершенное отсутствие** чести и честности в высшем классе народа» (VIII, 125.—Подчеркнуто мной—М. М.).

В поэмах «Гавриилиада», «Цыганы», «Граф Нулин» Пушкин дает развернутую характеристику «образованного разврата», лицемерия, ханжества, глубокого морального падения господствующих классов. Людям вроде графа Нулина, светского пошляка, «в вихре моды» промотавшего в Париже «свои грядущие доходы», чуждо чувство патриотизма, национальной гордости; они с презрением смотрят на свою родину и народ, преклоняются перед показной западной цивилизацией.

Устами Алеко в «Цыганах» Пушкин дает свой приговор всему светскому обществу:

...Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволюдушных городов!
Там люди в кучах за оградой
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Нередко Пушкин в порыве гнева, вызванного безобразным обликом реакционеров—крепостников, теряет корректный тон и бросает по их адресу оскорбительные ругательства. Так, например, реакционный кишиневский чиновник Ланов уже своей внешностью вызывает омерзение у поэта («Твоя торжественная рожа...»).

Резкость пушкинской критики правящих классов в период нарастания декабристского движения свидетельствует о силе и принципиальности революционных убеждений поэта.

Преданный декабристским идеалам, Пушкин не снижает принципиальной критики господствующих классов и после 14 декабря. Правда, суждения его о крепостниках теперь осторожные не только в произведениях, предназначенных в печать, но и в письмах к друзьям, ибо он знает, что последние перлюстрируются агентами III отделения. И личный опыт и опыт его друзей декабристов

подсказывал поэту иную тактику общественного поведения. «Кажется бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости»,—писал Пушкин Жуковскому 7 марта 1826 г. (X,203). Однако не трудно убедиться в последовательно отрицательном отношении Пушкина к крепостническим элементам в стране по его художественным произведениям и по многим другим материалам.

В дошедших до нас эпиграммах, написанных после декабристского восстания, снова находим бичующие характеристики крепостников. Таковы, например, эпиграммы на Корсакова—Дундукова, на гр. Воронцова, на Каченовского, на Булгарина. Поэту особенно ненавистен сонм реакционных писателей и публицистов («злых пауков», «плюгавых клеветников»), продажных чиновников-бюрократов и т. п., презренных представителей общества, которые из-за личного благополучия, из-за карьеры готовы на любую подлость перед властью имущими:

Не знаю где, но не у нас
Достопочтенный лорд Мидас
С душой посредственной и низкой,—
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком пролез в известный чин
И стал известный господин

(III, 394),—

клеят поэт известного вельможу гр. Воронцова.

Пушкин настойчиво проводит сквозь цензуру ряд произведений, в которых находим сатирические образы господствующего класса—чиновников-бюрократов и помещиков-крепостников.

Характерным примером этой сатиры является стих «На выздоровление Лукулла» (1835), в котором Пушкин с необычайной для того времени смелостью разоблачил одного из вдохновителей реакции, вельможу-подлеца, всесильного министра народного просвещения графа Уварова, уличив его в моральной нечистоплотности, стяжательстве, казнокрадстве.

Сатирические образы правящего сословия хорошо прослеживаются в романах и повестях Пушкина.

В «Евгении Онегине» заслуживает внимания картина бала у Лариных, где собрались скотоподобные соседи Онегина—помещики-крепостники: Скотинины, Пустяковы, Буяновы, Петушковы, Зарецкие, Гвоздины. Все они—пошляки и мерзавцы, «владельцы нищих мужиков». Пушкин в лаконическом перечислении этого сброда намечает план для гоголевских «Мертвых душ». Нам представляется не случайными близкие ассоциации (почти совпадение) в именах и характеристиках пушкинских и гоголевских произведений: Скотинин—Собакевич, Пустяков—Манилов. Буянов—Ноздрев, Гвоздин—Плюшкин, Петушков—Петух. Гоголь, как видно добросовестно выполнил завещание Пушкина, пере-

давшего ему замысел «Мертвых душ». Пушкинскую суммарную характеристику поместного дворянства, со слегка выделенными персонажами, он развернул в широкую эпическую картину крепостнической вакханалии, сосредоточив внимание на выявлении звериной сущности крепостников. На эту сущность и указывал Пушкин в своих лаконических характеристиках. Белинский обратил внимание на нее даже в оценке такого внешне не выдающегося образа, как отец Татьяны. «Отец не то, чтоб уж очень глуп, но и не совсем умен, не то, чтоб человек, да и не зверь, а что-то вроде полипа, принадлежащего в одно и то же время к двум царствам природы—растительному и животному».

Не лучше растительное общество, в которое попала впервые героиня романа:

Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный пошлый вздор;
Все в них так бледно, равнодушно;
Они клеветают даже скучно;
В бессвязной сухости речей,
Расспросов, сплетен и вестей
Не вспыхнет мысли в целы сутки. (V,162).

Пушкин беспощадно сдергивает маски благообразия с аристократического общества, обнажает «ветошь маскарада», «мишуру» постыдной жизни. Он сосредотачивает внимание на всей пестроте дворянского быта на выявлении пошлости и лжи, царствующей в этом мире.

Онегин в итоге своих наблюдений над окружающими приходит к мысли, что среди его класса не стоит искать благородных честных людей, что «добро, законы, любовь к отечеству, права» для них—«одни условные слова» (V,560), он «видит всюду меркантильный дух» (V,200); чины и количество душ—вот предмет постоянных забот и рвения его современников из дворян. В черновых вариантах текста романа находим немало стихов, в которых характеристики дворян еще более остры, нежели в подцензурной редакции. Так, например, строфа XXV восьмой главы имела следующий вид:

Тут был К. М. француз женатый
На кукле чахлой и горбатой
И семи тысячах душах;
Тут был во всех своих звездах
Правленья цензор непреклонный
(Недавно грозный сей Катон
За взятки места был лишен).
Тут был еще сенатор сонный,
Проведший с картами свой век,
Для власти нужный человек.

(V. 552).

Разочарованный в жизни, не веря «мира совершенству», герой романа приходит к выводу о бесцельности своего существования

(«Зачем я пулей в грудь не ранен? Зачем не хилый я старик?...»). (V,201).

Особенную остроту критика господствующих классов получает в прозе Пушкина. В ней даже через рогатки жестокой цензуры 30-х гг. поэт сумел провести свой беспощадный приговор крепостникам.

В «Повестях Белкина» выведена выразительная фигура помещика-крепостника, соседа Белкина, которая окончательно вырисовывается в черновой рукописи предисловия к «Повестям»—в письме Белкина к издателю. Опека этого «почтенного мужа» над именем стоила того, что «число кур, гусей и прочей домашней птицы увеличилось почти вдвое, благодаря хорошему надзору, хотя к сожалению число мужиков значительно уменьшилось по причине повальной болезни, свирепствовавшей в... краю» (VII,717). Не трудно разобраться, о какой повальной болезни, свирепствовавшей в крае, идет речь,—о голоде крестьян, ограбляемых ненавистными крепостниками.

В «Истории села Горюхина», произведении, по замыслу связанного с «Повестями Белкина», находим дальнейшую еще более острую разработку темы крепостничества.

Уже в «географии» села Горюхина лейтмотивом звучит безудержный произвол крепостников: «К северу граничит оно с деревнями Дериуховым и Перкуховым, коего обитатели бедны, тощи и малорослы, а гордые владельцы преданы воинствующему упражнению заячьей охоты» (VII,186), подчеркнуто мной—М. М.).

«История села Горюхина»—это удручающая картина крепостнической действительности. Душевладелец, потерявшие человеческий облик, довели подвластных им крестьян до полной нищеты и физического вымирания от голода. «Темные предания гласят, что некогда Горюхино было село богатое и обширное, что все жители были зажиточны...—рассказывает летописец...»—«Но в течении времени родовые владения Белкиных раздробились и пришли в упадок. Обедневшие внуки богатого рода не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек—и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять раз уже уменьшившегося...

Горюхино приуныло, базар запустел, песни Архипа Лысого умолкли. Ребятишки пошли по миру. Половина мужиков была на пашнях, другая служила в батраках» (VII,191,195). В черновых набросках мотив обнищания крестьян «от тиранства» помещиков повторяется несколько раз.

В дальнейшем Гоголь подхватит этот мотив и нарисует страшную картину выморочного села Пушкина и уродливый образ самого помещика—«прорехи на человечестве».

В беспощадном осуждении практики крепостников Пушкин следует за Радищевым. Исследователи Пушкина справедливо указывают на связь «Истории села Горюхина» с «путешествием Радищева¹. Вскоре Пушкин непосредственно обратится к знаме-

¹ См., например, работу Е. Дунаевой «Болдино», М., 1951, стр. 89.

нитой книге Радищева и, отправляясь от нее, даст свое заключение о чудовищных злоупотреблениях крепостников.

В «Путешествии из Москвы в Петербург», делая выписки тех мест из книги Радищева, в которых нарисованы особенно мрачные картины крепостнического произвола, Пушкин сопровождает их соответствующими комментариями и дополняет примерами из современной ему действительности. Таков, например, образ знакомого ему помещика, превзошедшего по своей жестокости изверга из радищевской книги, уподобившего своих крестьян «орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим»

Чтобы расширить диапазон критики крепостников, Пушкин включает в свои рассуждения об ужасах крепостничества описание положения французских крестьян, сделанное Лабрюйером: «По полям рассеяны какие-то дикие животные, самцы и самки, черные, с лицами землистого цвета, сожженные солнцем, склонившиеся к земле, которую они роют и ковыряют с непреодолимым упорством; у них как будто членораздельная речь, а когда они выпрямляются на ноги, то мы видим человеческое лицо; и действительно это люди» (VI, 289, по фр.). Эту выписку Пушкин сопровождает замечанием, что русские крестьяне находятся в еще более ужасающем положении. Следовательно, облик русских помещиков еще более уродлив, нежели французских феодалов.

В декабре 1834 г. Пушкин записал интересный исторический анекдот, в котором помещик дан несомненно для сравнения со «злодеем» Пугачевым: «...некто симбирский дворянин, бежавший от него (Пугачева), приехал на него посмотреть..., посмотрев на него, Пугачев сказал: «Правда, много я перевешал вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал» (VIII, 100—101).

Соль анекдота отнюдь не в глумлении над уродливой внешностью помещика (он был без носа), а в моральной оценке его античеловеческого облика. Помещик, как победитель, пришел поиздеваться над вождем народного восстания. Пушкину было ясно, что Пугачев говорит о «гнусной образине» представителя «братии» крепостников, которых он беспощадно вешал за издевательства над народом. В ином понимании Пушкин не стал бы записывать анекдот, т. к. никогда не склонен был глумиться над физическими недостатками человека. Его всегда возмущало нравственное уродство крепостников. Поэтому сатирическое острие, например, в эпиграммах «На Ланова» или «На Дундукова—Корсакова» направлено не на внешний портрет, а на нравственный их облик.

«В Дубровском», «Капитанской дочке», «Истории Пугачева», создававшихся с постоянной оглядкой на цензуру, тем не менее без труда обнаружим сатирические образы представителей правящего сословия—помещиков-крепостников и продажных чиновников-бюрократов.

Крестьяне Дубровского отказываются идти под власть Троекурова, потому что знают: «он с них не только шкуру, да и мясо-то отдерет» (VI,239). Троекуров—один из ярких сатирических образов Пушкина.

Замечание Троекурова по адресу помещика Спицины: «Дома живешь свинья свиньей, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь», и по адресу чиновников: «Разбой Дубровского—благодать для исправников, следствия, подводы, а деньги в карман» (VI,269)—очень красноречивы своей меткой оценкой повального мародерства сельских господ дворянского сословия.

Пушкину было ясно, почему «весь черный народ был за Пугачева», почему во время пугачевского восстания «дворянство было обречено гибели» (VIII, 358).

Нравственное уродство господствующего класса с исключительной силой разоблачается в «Рославле» (1831). Героиня повести Полина возмущена гнусной пошлостью окружающих ее людей: «Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замечательного слова в течение трех часов. Тупые лица, тупая важность и только...» Обществу, с которым общается героиня, чужды элементарные патриотические чувства даже во время смертельной опасности для России. Когда угроза со стороны наполеоновской Франции нависла над страной во всей ее неизбежности, любовь к отечеству подвергалась в модных салонах издевательским насмешкам. С презрением здесь говорили обо всем русском, превозносили Наполеона, зубоскалили по поводу неудач России во внешней политике и предсказывали ей участь Рейнской конфедерации. «Словом, общество было довольно гадко»,—резюмирует рассказчик.

Бичующей иронией звучат слова повести, в которых говорится о так называемом квасном патриотизме модного сброда светских бездельников, явившемся ответом на воззвание Александра I в связи с вторжением французов в пределы России: «Гонители французского языка с Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский, кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские губернии» (VI,206).

На сопоставление с пушкинской оценкой глубокого нравственного падения дворянства напрашивается следующая запись А. С. Грибоедова, с болью в душе наблюдавшего преступно-презрительное отношение к народу, когда во время из одной загородных прогулок он слушал народные песни в исполнении крестьян: «Прислонясь к дереву», я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полуевропейцев, к которому я принадлежу. Им казалось

дико все, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки неприятны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими!»¹

Патриоты Пушкин и Грибоедов не могли спокойно смотреть на торжество в русском обществе реакционного дворянства. Чувствуя угрызения совести в принадлежности к «поврежденному» классу, они непримиримо разоблачали его пороки. Отсюда постоянная общественно-патриотическая тема в их творчестве.

Даже в тех случаях, когда Пушкин создает, так сказать, честных порядочных помещиков, он не скрывает того факта, что классовая, крепостническая традиция, привычка считать крестьян своей собственностью мешала проявлению их человеческих качеств.

В «Барышне-крестьянке» гуманный дворянин Алексей «как ни был привязан к своей Акулине, все помнил расстояние, существующее между им и бедной крестьянкою» (VI, 158).

В Андрее Гавриловиче Дубровском («Дубровский»), несмотря на заботу его о своих крестьянах, налицо черты помещика-душевателя, активно отстаивавшего крепостнические принципы. Когда крепостной псарь Троекурова коснулся его дворянской спеси, он потребовал его к себе на расправу. Троекуровских мужиков, воровавших его лес, он велел проучить прутьями, а лошадей отобрать, приписав к барскому скоту.

Благовоспитанный, добрый нравом недоросль Гринев не стесняется грубо оскорбить своего крепостного дядьку, под надзор которого он отдан: «Молчи хрыч!» (VI, 401).

Можно было бы привести другие многочисленные примеры резкой критики господствующего сословия из писем, дневниковых записей, художественных произведений, критических статей и т. д. на протяжении всей творческой деятельности поэта. Все они подтверждают тот вывод, к которому приходит один из его персонажей («Гости съезжались на дачу»): «Меж ими нет ни одной моральной власти...» (VI, 567). Пушкина уже не удивляет, что Кочубей и Несельроде, получившие по 200000 рублей из государственной казны «на прокормление своих голодных крестьян», положат их себе в карман (VIII, 52). Помещики-душеватели, чиновники-бюрократы, реакционные писатели-публицисты и т. п. охранители самодержавно-крепостнического строя, все те, кто забыл свой долг перед родиной и народом, кто попирает лучшие национальные традиции и культуру, преклоняется перед показной мишурой западной цивилизации, глубоко ненавистны Пушкину. Пафос его беспощадной критики господствующего класса вызван глубокой тревогой за судьбы своего народа и родины.

Поэт задыхается в атмосфере страшной политической реакции, восторжествовавший после поражения декабристского вос-

¹ А. С. Грибоедов, Полн. собр. соч. под ред. Н. К. Пиксанова, 1917, т. III, стр. 116.

стания. Эта атмосфера усугублялась в сознании Пушкина предпринятой охранителями самодержавия против него гнусной травлей, являющейся продолжением расправы над теми единомышленниками декабристов, которые не могли быть осуждены по материалам Следственной комиссии.

В стихотворении «Воспоминание» (1829) Пушкин раскрывает свои сердечные мучения в связи с тем, что ему приходится жить в чуждой среде, общаться с людьми, которые постоянно оскорбляют его чувства, честь, человеческое достоинство. В черновом варианте читаем следующие строки:

Вновь сердцу моему наносит хладный свет
Неотразимые обиды. .
Я слышу вокруг меня жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой
И шопот зависти и легкой суеты,
Укор веселый и кровавый.

(III, 467).

Поэт, подавленный тоской, проклинает свою жизнь, по ночам его мучат «змеи сердечной угрызенье», оно чувствует себя виноватым перед двумя загадочными призраками, которые являются ему:

...оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

(III, 467).

Пушкин тщетно пытается вырваться из оков светского общества, в котором он задыхается. Ему до тошноты претят петербургские и московские рауты, вроде «проклятых обедов» Зинаиды Волконской или балов во дворце, на которые он обязан являться по прихоти царя. Здесь, по его словам, «не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы» (X, 257), нужно уметь лишь расшаркиваться перед светскими болванами. Поэтому при всякой возможности поэт избегает бывать в светских гостиных.

«Если мотылек Пушкин уловим, приведите его ко мне,—пишет Зинаида Волконская П. А. Вяземскому,—пытайся загасить к себе в салон поэта.—Быть может он думает, что найдет у меня многочисленное общество, когда он у меня был. Он ошибается, скажите ему это и приведите его обедать»¹.

Впоследствии сам Николай I обратит внимание на то, что Пушкин не желает являться на придворные рауты.

Светские увеселения не доставляют поэту удовольствия еще и потому, что он знает, какой ценой они обходятся народу. В дневнике за 17 марта 1834 г., говоря о балах, которые устраи-

¹ Лит. наследство, т. 58, стр. 52.

вает петербургская знать, Пушкин недвусмысленно замечает: «Праздников на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голоду?» (VIII, 40).

Известно стремление Пушкина в последние годы жизни бежать от светского общества в деревню, где он надеялся спокойно пожить в кругу своей семьи. По свидетельству одного из современников, Пушкин якобы мечтал о том, что, убив или ранив на дуэли Дантеса, он в наказание будет сослан в деревню, что соответствовало его желаниям.

Даже общества своих светских друзей, вроде князя Вяземского, Пушкин начинает чуждаться, ибо чувствует, что они далеки от него по духу. Надо полагать, Пушкин скоро понял смысл либерализма Вяземских и т. п. людей своего класса. Не случайно поэтому переписка с Вяземским ослабевает к концу 20-х гг. и почти прекращается к середине 30-х гг. Еще в 1826 г. Вяземский в письме к жене пишет, что очень редко видится с Пушкиным в Петербурге: «Вот уже почти два месяца здесь живу, Пушкина почти совсем не видим: я с ним встречаюсь на площадях мощеных и паркетных, но у нас он никогда не бывает, а сначала бывал каждый день¹.

Д. Д. Благой в статье «Пушкин в неизданной переписке»² правильно акцентирует внимание на том, что Пушкин тяготится связями с людьми, чуждыми ему по духу, и убедительно подтверждает это эпистолярными материалами того времени.

4

Пушкин делает неоднократно экскурс в историческое прошлое дворянства, чтобы проследить процесс утери им своих качеств, как избранников народа, как просвященного сословия.

Этим в известной степени обусловлен и его углубленный интерес к истории, проявляющийся симптоматически уже в ранний период литературной деятельности («Заметки по русской истории VIII в.») и превращающийся с течением времени в систематическую работу по написанию исторических трудов («История Пугачева», «История Петра Великого»). Пушкин подвергает художественному эксперименту исторический материал, создавая в качестве наглядных иллюстраций к своим историческим разысканиям крупные художественные произведения на исторические темы («Борис Годунов», «Полтава», «Арап Петра Великого», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «Сцена из рыцарских времен» и др.). Исторические судьбы народа и государства, проблема взаимоотношения народа и правящих классов—в центре внимания Пушкина в этих произведениях.

Как известно, характерной чертой отношения Пушкина к историческому материалу является стремление избежать модернизации и идеализации исторического прошлого. Поэтому и его

¹ Лит. наследство, т. 58, стр. 75.

² Там же, стр. 3—28.

публистические размышления, в частности, о судьбах русского дворянства, несмотря на поставленную задачу оправдать исторически существование этого сословия и доказать его ведущую роль в государстве, отличаются реалистической правдивостью.

Пушкин не склонен к идеализации дворянства в прошлом, как это было свойственно, например, Н. Полевому, выдвигавшему версию, что некогда бояре и дворяне были равными в правах со смердами и «аристократизм существовал собственно только в отношении князя к народу»¹. Пушкин полемизирует с Полевым, доказывая, что права бояр были ничем не ограничены. Он указывает на местничество, как на большое зло в истории России. «Древнее русское дворянство не может быть уважаемо»,—писал поэт в предисловии к «Борису Годунову».

Постепенное падение русского дворянства, связанное с забвением своего общественного долга, с погоней за чинами, за богатством, душевладением и т. д., привело к утере им независимости от государственной власти. Дворянин превратился в помещика-крепостника, в чиновника-бюрократа. Появилась новая знать, никакого отношения к дворянству (по благородному назначению его—служить народу, защищать его права перед государством), не имеющая. В ее руках и находилась судьба народа и страны. Русские цари после Петра I, возводимые на трон темными интригами карьеристов и фаворитов, способствовали усилению деспотической власти представителей так называемой новой знати и падению роли попомственного просвещенного дворянства. «Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она [Екатерина II] обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство»,—писал Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII в.» (VIII, 123). Пушкин подчеркивает низкий моральный облик правящего сословия в эпоху царствования Екатерины II. «От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно». Развращающий пример подавала сама царица, «которая знала грабежи и плутни своих любовников, но молчала» (VIII, 125).

Все это не могло не вызвать решительного протеста со стороны передовых представителей русского общества, просвещенного дворянства. Этот протест с течением времени вылился в декабристское движение. «Постепенное падение дворянства; что из этого следует? Восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.»,—делает заключение Пушкин в своем трактате «О дворянстве» (VII, 538). Эта же мысль повторяется и в его дневниковой записи за 22 декабря 1834 г., передающей разговор поэта с великим князем о значении дворянства. Возражая своему собеседнику, Пушкин говорит, что третье сословие, как вечную стихию мятежей и оппозиции в России, также составляет «старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечным раздроблением, с просвещением,

¹ Н. А. Полевой История русского народа, т. II, с. 87.

с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатство». «Эдакой страшной стихии нет и в Европе,— заключает Пушкин.— Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много» (VIII,60). Т. е., по Пушкину, просвещенное дворянство всегда будет резервом революционного движения, пока в стране будет существовать крепостничество и деспотизм.

Нередко у Пушкина понятие просвещенного дворянства связывается с понятием «старинного дворянства». Последнее якобы несет в себе высокую культуру и исторические традиции сословия, заключающиеся в сознании общественного долга перед народом и государством. Поэтому оно стремится отстоять свою независимую роль в государстве. «Аристократия чиновная,— пишет герой «Романа в письмах»,— не заменит аристократии родовой. Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями» (VI,72). «Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности»,— говорит герой отрывка «Гости съезжались на дачу» (VI,567). Он не хочет признать в «ничтожных внуках пирожников, денщиков, певчих и дьячков» право на ведущую роль в государстве, ибо они гордятся не славой предков, а «чином какого-нибудь дяди или балами двоюродной сестры» (там же). Герой «Отрывка» (1830), «будучи беден, как почти все наше старинное дворянство, (...), подымая нос уверял, что никогда не женится или возьмет за себя княжну рюриковой крови, именно одну из княжен Елецких, коих отцы и братья, как известно, нынче пашут сами». Он «столь же дорожил тремя строчками летописца, в коих упомянуто было о предке его, как модный камер-юнкер тремя звездами двоюродного дяди» (VI,588). В основу конфликта романа «Дубровский» положено столкновение старинного культурного дворянства (Дубровского) с новой знатью (Троекурова).

При всей иронии над аристократической спесью персонажей нельзя не увидеть здесь оценки Пушкиным исторического значения дворянства. Полемизируя с «Историей русского народа» Н. Полевого, Пушкин писал: «Уважение к именам, освященным славой, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного» (VII,136). В этом же духе он высказывается в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (1827): «Гордиться славой своих предков можно и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. «Государственное правило,— говорит Карамзин,— ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному» (VII,58).

Пушкин считает, что почтительно относиться к предкам значит хранить и развивать лучшие национальные традиции. «Может ли быть пороком то, что почитается добродетелью в целом народе,— развивает свою мысль Пушкин.— Предрассудок сей, утвержденный демократической завистью некоторых философов, служит

только к распространению мелкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважаемы за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?» (Там же).

Обращение к историческому прошлому и к славе предков, как видим, необходимо в интересах воспитания тех качеств, которые потребуются для успешного проведения прогрессивных социальных преобразований в стране. (Ср. с приведенным выше рассуждением в заметках «О дворянстве»: «Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли эти качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить или задуть»).

Обращение Пушкина к старине, особенно к своей дворянской родословной, истолковывалось неверно как при жизни Пушкина, так и в последующие годы, вплоть до нашего времени. Поэта упрекали в дворянской спеси, в генеалогических предрассудках.

Разумеется, существует принципиальное различие в характере критики Пушкина за эти «предрассудки» со стороны его современников Ф. Булгарина, Рылеева и Белинского.

Подтекстом болгаринского глумления над пушкинской родословной было отрицательное отношение реакционера к революционному духу поэзии Пушкина, к стремлению поэта отстоять свою независимость от социальных заказов господствующего класса.

Белинский, не располагая всеми материалами пушкинского наследия, не смог до конца разобраться в смысле обращения поэта к национальной славе предков. С позиций революционного демократа он не склонен был национальную славу приписывать только представителям дворянства, невзирая на то, что в исторических документах зафиксированы прежде всего имена князей, бояр, дворян. «Действительно жаль,—пишет Белинский по поводу «Родословной моего героя»,—если правда, что звуки нашей славы нам чужды. Только едва ли правда: равнодушие к **толстобрюхой старине** и равнодушие к народной славе—совсем не одно и то же. Если поэт хотел этим упреком намекнуть на то, что мы, как молодой, исполненный надежд народ, больше заняты настоящим и больше смотрим на свое будущее, нежели на прошедшее, то ему следовало бы выразиться яснее и понять лучше причину этого явления, совершенно необходимого и непредвзятого в его источнике...»¹ Как видим, Белинский не возражает в принципе против обращения к славе предков; он лишь выражает неудовлетворение тем, что Пушкин, как ему казалось, подменяет понятие «народной славы» славой дворян и недооценивает насущных задач современности. При этом Белинский оговорил свое мнение о «предрассудке» Пушкина указанием на некоторую неясность пушкинской мысли. («ему следовало бы выразиться яснее»).

Белинский упрекает поэта за его выпад против просвещения. «Странное дело, великий поэт видит зло в успехах просвеще-

¹ В. Г. Белинский, Избр. соч., в 3-х томах, т. III, стр. 600.

ния»¹,—пишет он, имея в виду обвинение, брошенное Пушкиным его современникам:

Вы презираете отцами,
Их славой, честью, правами
Великодушно и умно;
Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещения ради,
Гордясь (как общей пользы друг)
Красою **собственных заслуг**,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

(III, 397).

В этих стихах Пушкина заключена убийственная ирония, направленная против аристократических хлыщей, которым нечем похвалиться из собственных заслуг (обращаем внимание на выделение в тексте слов «собственных заслуг» самим автором), кроме звезды двоюродного дяди или приглашением на бал. Белинский несомненно недооценил иронического смысла слов «прямого просвещения», который в контексте приведенного выше отрывка очень важен. Пушкин обличает тех, кто надругается над высокими идеями просвещения, стремится подменить их пустыми разговорами об успехах цивилизации, о показной европейской культуре. Эту культуру, обезьяничая, перенимали никчемные, бездельничающие пустоцветы—представители светского общества (ср. с описанием этого общества в «Евгении Онегине», «Рославлеве», «Графе Нулине» и других произведениях).

Подлинное просвещение, считает Пушкин, неизбежно включает в себя уважение к национальной славе своих предков, патристические чувства, как отправной момент воспитания героических качеств в молодом поколении. Поэтому он набрасывается на Булгаринных и т. п. «демократов», оскорбляющих героическое прошлое народа. В «Родословной моего героя» Пушкин ясно говорит, какую старину он защищает и с кем полемизирует по этому поводу:

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,
Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и овел:
Дух века вот куда зашел!

(III,380).

¹ В. Г. Белинский. Избр. соч. в 3-х томах, т. III, стр. 601.

Как известно к героическому прошлому своего народа обращались за примерами, достойными подражания, все патриотически и революционно настроенные люди в России: Радищев и декабристы, Гоголь и Лермонтов, Белинский и Чернышевский, Толстой и Горький и другие.

Нет оснований говорить о «генеалогических предрассудках» Пушкина вслед за Рылеевым, Белинским, Чернышевским и Добролюбовым, для которых наличие этих «предрассудков» было средством указать на сословную ограниченность мировоззрения Пушкина и подчеркнуть демократизм своего собственного мировоззрения.

Пушкин, пишет Белинский, «в душе был больше помещиком и дворянином, нежели сколько можно ожидать этого от поэта»¹, «принцип класса для него вечная истина»². Настойчивые рассуждения Пушкина об исторических судьбах своего класса естественно воспринимались плебеем Белинским как генеалогические (т. е. сословно-классовые) предрассудки, как боязнь дворянина за судьбу своего класса, который ходом исторического развития отесняется со сцены общественной жизни на задний план. Пушкин, казалась Белинскому, не хотел понять того, что «молодой, исполненный надежд народ» больше смотрит в будущее, нежели в прошедшее. Белинский преувеличивает идеологическую зависимость Пушкина от консервативной дворянской (карамзинской) среды, с которою поэт якобы был неразрывно связан. «Пушкин», — пишет Белинский, — был окружен людьми карамзинской эпохи и сам был воспитан ими»³. Подчеркивая сословно-классовую ограниченность Пушкина, великий критик в то же время недооценивает влияния на Пушкина декабристской идеологии. Это объясняется тем, что Белинский не располагал всеми материалами, которые бы позволили ему установить глубже идеологические связи Пушкина с дворянскими революционерами, очевидные для нас⁴.

Чернышевский, указав на наличие у Пушкина генеалогических предрассудков, вообще не утверждал категоричности своих суждений по той простой причине, что не располагал всеми необходимыми материалами о поэте. Он счел нужным предупредить, что пока судит о Пушкине «на основании данных, предоставленных новым изданием», что «пройдут годы и критика скажет новое, более правильное слово о Пушкине»⁵.

Добролюбов оговорил свое мнение о «генеалогических предрассудках» Пушкина, высказанных якобы в ряде сочинений в

---

¹ В. Г. Белинский. Соч. в 3-х т., III, стр. 586.

² Там же, стр. 565.

³ Там же, стр. 587.

⁴ Есть основание предполагать, что Белинский мог сознательно обходить некоторые острые вопросы мировоззрения Пушкина, в частности, идеологические связи поэта с декабристами, чтобы спасти от цензуры свои статьи о нем.

⁵ Н. Г. Чернышевский. П. с. с., ГИХЛ, т. II, 1949, стр. 424.

30-е годы, указанием на то, что требование со стороны поэта уважения к предкам обосновано защитой просвещения, культуры. «Дикость, невежество не уважают прошедшего»¹,—соглашается великий критик с Пушкиным (ср. у Пушкина: «...Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» (VII,567)). Вместе с тем он обращает внимание на то, что в напечатанных впервые в новом издании сочинений Пушкина стихотворениях «Когда по городу задумчив я хожу» и «Из Пиндемонти» обнаруживается «воззрение совершенно чистое, лишенное этих предрассудков»².

Таким образом для нас ясна недостаточная обоснованность обвинений Пушкина в генеалогических предрассудках.

Революционно-демократическая критика уточняла свои суждения по этому вопросу, возлагая задачу окончательно разобраться в нем на будущие поколения исследователей пушкинского наследия. Вместе с тем она правильно выдвигала на первый план в оценках Пушкина его значение в истории русского просвещения, всегда подчеркивала гигантскую работу, проделанную поэтом в области развития русской национальной культуры и общественной мысли. Писать о Пушкине, по мнению Белинского, «значит писать о целой русской литературе»³. «Значение Пушкина огромно не только в истории русской литературы, но и в истории русского просвещения»⁴—писал Добролюбов. «Его произведения,—писал Чернышевский,—могущественно действовали на пробуждение сочувствия к поэзии в массе русского общества, они умножили в десять раз число людей, интересующихся литературой и через то делающихся способными к восприятию высшего нравственного развития. Он сам прекрасно очертил это достоинство, говоря:

Плодят читателей они;
Где есть поветрие на чтенье,
Там просвещение, там добро»⁵.

Для нас очень важно учесть эти правильные высказывания революционно-демократической критики об историческом значении поэзии Пушкина и особенно подчеркнутую Чернышевским мысль о понимании этого значения самим поэтом, так как она имеет прямое отношение к его высказываниям о славе предков.

Вся поэзия Пушкина была целеустремлена в будущее. Знаменательно звучат его стихи, обращенные к потомкам:

---

¹ Н. А. Добролюбов, П. с. с., ГИХЛ, т. II, 1934, стр. 101.

² Там же, стр. 321.

³ В. Г. Белинский, цитируемое издание, т. III, стр. 179.

⁴ Н. А. Добролюбов, цитируемое издание, т., I, стр. 113.

⁵ Н. Г. Чернышевский, цитируемое издание, т. II, стр. 479.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

(подчеркнуто мной—М. М.).

Пушкин твердо верил, что на скрижалях истории всегда будут гореть неувядаемой славой имена тех, кто штурмовал бастионы самодержавия, что потомки не забудут его. Уже в начале своего творческого пути Пушкин неоднократно декларирует свое поэтическое кредо, обуславливая его долгом перед потомством. «В сатире праведной порок изображу, И нравы сих веков потомству обнажу»,—говорит он в стих. «К Лицинию» (1815). В 1818 г. Пушкин убеждает своего друга Чаадаева, сомневавшегося в победе над черными силами самодержавия, в торжестве просвещения и гуманизма, что родина не забудет имен тех, кто своим благородным поведением заслужил благодарность потомков: «Товарищ, верь... Россия вспрянет ото сна, И на обломках самовластья Напишут наши имена».

С течением времени личная ответственность перед потомством все более будет волновать Пушкина. «Мои правнуки будут обязаны мне этой сенью»,—заканчивает он свои рассуждения на тему— почему мы должны гордиться славой своих предков—в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (VII, 58). В знаменитом «Памятнике», подводя итоги своей поэтической деятельности и завещая поэзию потомкам, великий поэт имел все основания заявить, что своей самоотверженной деятельностью в защиту свободы он заслужил благодарность грядущих поколений всех народов своей необъятной родины.

Эта черта мировоззрения Пушкина находилась в теснейшей связи с декабристской идеологией.

Сознавая свой долг перед Родиной и народом, декабристы, как правило, также обращались за вдохновляющими примерами героической борьбы с деспотизмом власти к истории России. Они оценивали свою деятельность не только с точки зрения интересов сегодняшнего дня, но и будущего. Лучшие из них, понимая обреченность своего дела, тем не менее рвались в бой, сознательно шли навстречу своей гибели, отдавая свою жизнь будущему Рылеев в «Исповеди Наливайко» писал, связывая судьбу своего героя со своей судьбой:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа.—
Судьба меня уж обрекла.

Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю...

5

Неоднократно возвращаясь к рассуждениям о значении дворянства в общественной жизни страны, о необходимости считаться с его историческими заслугами, Пушкин однако не ограничивает понятие дворянства родословными признаками. Он включает в него прежде всего личные достоинства человека, позволяющие ему играть руководящую роль в жизни народа и страны. «Имена Минина и Ломоносова,—пишет Пушкин,—вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные—но неужто потомству смешно было гордиться этими именами?» Поэтому для Пушкина Минин и Ломоносов также могут быть причислены к дворянам.

К дворянству Пушкин приравнивал по значению также «друзину писателей и ученых» («какого бы рода они ни были»).

Только личными заслугами перед Родиной, перед народом вправе гордиться дворяне, считает Пушкин. В «Родословной моего героя», иронизируя над теми представителями своего класса, которые гордятся принадлежностью к светскому обществу или светскими связями, он в скобках находит нужным противопоставить им «общей пользы друга», т. е. надо читать—просвещенного дворянина¹.

Белинский, анализируя «Родословную моего героя», склонен признать наличие в самом Пушкине дворянской спеси, приняв слова «вас спесь дворянская не гложет» и т. п. за выражение авторского чувства обиды на своих современников, не уважающих «знатность породы».

Но вместе с тем критик обнаружил в данном стихотворении и «очень острую сатиру, написанную поэтом на самого себя»² в связи якобы с самосознанием им своего «предрассудка».

Мы имеем все основания уточнить мысль Белинского, извлекая из нее рациональное зерно, выраженное, например, в таком его суждении, целиком совпадающим с нашим заключением: «К особым свойствам его поэзии принадлежит ее способность развивать в людях чувство гуманности (подчеркнуто Белинским), разу-

---

¹ Обращаем внимание на такую интересную деталь в поэтической стилистике Пушкина, как сравнение, заключенное в скобках в отрывке: «...Гордяся (как общей пользы друг) Красою *собственных заслуг*, Звездой двоюродного дяди...» В общем ироническом контексте данного отрывка поэт, выделяя слова с прямым значением в скобки, уподоблением казалось бы сходных понятий дает антитезу: великосветской, так наз. «золотой молодежи», «модным камер-юнкерам» противопоставляется положительный тип—«общей пользы друг». Заклучив в скобки слова прямого значения, Пушкин счел нужным выделить курсивом слова, являющиеся ключом для понимания иронии («собственных заслуг»).

² В. Г. Белинский. Собрание соч. в 3-х т. т. III, стр. 598.

мея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека, как человека»¹.

Подобное же, примерно, суждение высказывает и Горький, подметивший, что в понятие дворянина Пушкин вкладывал «чувство собственного достоинства, сознание своей человеческой ценности и внутренней свободы»².

Эти очень важные правильные положения Белинского и Горького подтверждаются многими высказываниями самого Пушкина. Для нас очень важно проследить за ними не только для того, чтобы разобраться во взаимоотношениях поэта со своим классом, но и понять многие художественные образы его произведений.

Пушкин всякий раз подчеркивает свое стремление к независимости—и материально-правовой и духовной—от каких бы то ни было обстоятельств и предрассудков. «У меня свои демократические предрассудки **вполне сгоящие** предрассудков аристократической гордости... Единственное, чего я жду—это независимости (слово неважное, да сама вещь хорошая); с помощью мужества и упорства я в конце концов добьюсь ее»,—пишет он А. Н. Казначееву в июне 1824 г. в Одессе, подчеркивая свою независимость перед вельможей Воронцовым (X, 89).

В заметках «Опровержение на критики» (1830) Пушкин писал: «Но от кого бы я ни происходил—от разночинцев, вышедших во дворяне, или от исторического боярского рода, одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел; и хоть нигде доньше я его не обнаружил, и никому до этого нужды нет, но отказываться от него я ничуть не намерен» (VII, 195—196). Себя Пушкин предпочитает называть «дворянином во мещанстве». В стихотворении «Моя родословная» Пушкин подчеркивает свое отрицательное отношение к кичливости новой аристократии. Вместе с тем, говоря о своей родословной, он не ее ставит себе в заслугу, а те человеческие достоинства, которыми может обладать всякий, вне зависимости от знатности и богатства:

Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин.
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой, я мещанин.

Отстаивая принципиальность литературной критики, независимость ее от аристократических предрассудков, Пушкин писал в «Отрывках из литературных летописей» (1829): «Никто более нашего не уважает истинного родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном, но в мирной республике наук, какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора и Гостомысла, трудолюбивый профессор, честный

¹ В. Г. Белинский. Собрание соч. в 3-х т., т. стр. 639.

² М. Горький. О Пушкине, стр. 10.

аудитор и странствующий купец равны перед законами критики» (VII,92).

Для Пушкина было ясно, что есть достоинство «выше знатности рода, именно достоинство личное» (VII,196), что «хорошее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные» (VII,196). Пушкин призывает правильно ценить это достоинство честных и умных людей, «какого б рода они не были», в интересах родины, просвещения народа. Поэтому он горячо ратует за развитие общественного мнения, за гласность, за открытую оценку действий «так называемых общественных лиц (hommes publics)». Только этим путем «мало-помалу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общественного мнения, на котором в просвещенном народе образуется чистота его нравов» (VII,197—198).

С горечью признавал Пушкин правоту знаменитого «Философического письма» П. Я. Чаадаева в том его месте, где говорится об отсутствии общественного мнения в России. «Действительно нужно сказать,—писал он Чаадаеву,—что наша общественная жизнь—грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циническое презрение к человеческой мысли и достоинству—поистине могут привести в отчаяние» (X, 597—598).

Поэтому Пушкин настойчиво требует от писателей развивать общественное мнение путем постановки в своих произведениях общественно важных проблем. Писатель, поэт должен быть рупором передовых идей своей эпохи, принципиально непримиримым к злу и пошлости, смело говорить истину, «глаголом жечь сердца людей», его голос должен быть эхом своего народа.

Пушкин хорошо понимал, что в условиях политической реакции и страшного произвола цензуры писателю не легко выполнять свой общественный долг. Однако он не склонен оправдывать того писателя, который отступает перед цензурными препятствиями. Уважение просвещенных читателей и добрую память в потомстве, считает Пушкин, заслужат только те писатели, которые, не взирая на гонения, последовательно несут просвещение в народ. «Не достойны разве мужественные писатели, восставшие на губительство и всеисилие для того, что не могли избавить человечество из оков и пленения?»,—цитирует Пушкин слова Радищева в своем трактате «Путешествие из Москвы в Петербург».

Интересны в этом отношении рассуждения поэта еще в начале 20-х гг. в стих. «Послание цензору» (1822), связанные с конкретными судьбами русской литературы в начале 20-х годов. В форме обращения к реакционному цензору, «глупцу и трусу», неистовствующему в своем усердии угодить власти, предержавшим и вымарывающему все что попадет ему в руки, поэт декларирует долг писателя. Он указывает, как например, достойный подражания, на Радищева, обошедшего цензуру при распространении революци-

онных идей («Радищев, рабства враг, цензуры избежал»), а также на свой собственный («И Пушкина стихи в печати не бывали; Что нужды? Их и так иные прочитали»). Вместе с тем Пушкин декларирует и долг цензора, призванного содействовать распространению передовых идей, идей просвещения. На цензора, по мнению поэта, возложены благородные обязанности. Он должен быть беспристрастным защитником подлинных интересов общества, его поведение должно соответствовать долгу просвещенного дворянина, «мощного защитника» народа перед властью:

Но цензор гражданин, и сан его священный;
Он должен ум иметь прямой и просвещенный...
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

Т. е. Пушкин утверждает, что интересы передового писателя и честного просвещенного цензора («гражданина») совпадают в их едином стремлении развивать общественное мнение, «разъяснять людям их долг по отношению к обществу и государству».

Характерные в этом направлении мысли заключены в следующем наброске плана статьи «О народной драме «Марфа Посадница» (1830): «Что развивается в трагедии? Какая цель ее?—Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная» (VII,632).

Не трудно расшифровать эту заметку плана. Героем трагедии, как правило, выступает государственный деятель, т. е. дворянин. Цель трагедии—показать взаимоотношения героя (человека) с народом, обусловленность его индивидуальной судьбы судьбой народной. Пушкин ставит перед драматическим писателем задачу—создавать такие произведения, которые отвечали бы высокому назначению воспитательного воздействия на общество, привлекали бы внимание «образованного просвещенного зрителя» изображением «великих государственных происшествий» (VII,633). На поучительных примерах истории своей страны, отраженной в драматическом произведении, передовой зритель-дворянин должен проверить свое место в общественной жизни, свое отношение к народу и государственной власти: «Отселе история, перенесенная на театр,—и народы и цари, выведенные драматическим писателем» (там же).

Пушкин считал, что наиболее последовательную линию в отношении социальных функций дворянства наметил Петр I, который «не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения» (VIII,122). Петр I ценил людей прежде всего за их личные достоинства, а не за знатность происхождения, решительно боролся с боярской спесью, «укротил дворянство, опубликовав «Табель о рангах» (X,881). Оппозиция негодует, пишет Пушкин в «Истории Петра», за возведение «на высокие степени людей из низкого звания, без различия с дворянами», на посылку боярских сыновей в чужие края «для обучения художествам, ремеслам и наукам», на данное крепостным крестьянам право «доносить на

своих господ, укрывающихся от службы, и описывать имения в пользу доносителей» и т. д. (IX, 9). Несомненно, Пушкин соглашался в принципе с положениями петровской «Табели о рангах» и в озлоблении против светского общества противопоставлял свою «демократическую гордость таланта и ума» отнюдь не петровским принципам, как ошибочно считает А. М. Горький¹, а порочной практике современного ему режима, поправшего эти принципы. Ведь Петр I обнародовал и узаконил именно ту мысль, которую Пушкин решительно отстаивает в целом ряде теоретических рассуждений о дворянском долге: отстаять свое место в общественной жизни и уважение народа не «породой», а «собственным достоинством» (IX,76).

Оппозицию Долгоруких, пытавшуюся после смерти Петра I восстановить допетровские сословно-иерархические порядки, Пушкин называет нелепой. «Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. осуществились,—писал он еще в «Заметках по русской истории XVIII в.»,—то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и затруднили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных» (VIII,122).

Пушкин решительно осуждает аристократическую спесь, как таковую, разоблачает ее в целом ряде своих художественных произведений.

Характерна в этом отношении повесть «Арап Петра Великого». В ней центральной является мысль о дворянском долге перед отечеством. Аристократическому чванству модного щеголя Корсакова, презрительно относящегося к родине, к русским обычаям и культуре, противопоставлено патриотическое чувство Ибрагима, отказавшегося от личной жизни в пользу государственных интересов.

В образе арапа Ибрагима разработка темы просвещенного дворянства намечается весьма характерно.

Во-первых, образ просвещенного дворянина не связывается с русской дворянской родословной. Таким образом путь в дворянство, к «достижению должностей и почестей государственных» не преграждается для людей различного происхождения. Именно против этого боролась оппозиция Долгоруких. Пушкин требует, как видим, оценки индивидуальных качеств людей по достоинству (ср. в «Борисе Годунове»: «Не род, а ум поставлю в воеводы; (Пускай их спесь о местничестве тужит...»).

Во-вторых, образ просвещенного дворянина здесь неразрывно связывается с образом просвещенного монарха. Ибрагим предан великому делу прогрессивного преобразования страны, начатого Петром I. «Мысль быть сподвижником великого человека и сово-

---

¹ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 24. М., 1953, стр. 95.

купно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нем в первый раз благородное чувство честолюбия» (VI,24).

Пушкин неоднократно в своем творчестве обращается к личности Петра I, подчеркивая его значение в истории России. Именно отстаивая прогрессивный характер петровского самодержавия, он вступает в полемику с Рылеевым, отрицавшим идею самодержавия вообще (Считаем излишним останавливаться на идейном пафосе поэм «Войнаровский» и «Полтава», который хорошо известен). Для Пушкина самодержавие в лице Петра I находит свое историческое оправдание прогрессивной ролью в жизни народа и страны. Поэтому совершенно искренне в «Стансах» (1826) поэт, обращаясь к Николаю I, указывал ему на пример Петра:

Самодержавною рукою
Он смело сеял просвещенье;
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне первый был работник.

Это не значит, что Пушкин становился идеологом просвещенной монархии. Он в основном разделял точку зрения ведущих декабристов на самодержавие, т. е. решительно отвергал его. В обращении Пушкина к Петру I и указании на его пример, достойный подражания, нужно усматривать конкретный случай, обусловленный историческими обстоятельствами, особенно в связи с крушением надежд на успех предпринятого декабристами дела. Вскоре Пушкин откажется от своих упований на нового просвещенного монарха, более того, он пересмотрит и уточнит свое отношение к самодержавию Петра I в оценке его взаимоотношения с народом. Характерным фактом этого пересмотра и уточнения оценки деятельности Петра является знаменитая поэма «Медный всадник».

Высказывания Пушкина о потомственности высшего дворянства, т. е. дворянства, играющего важную роль в государстве, не должны вводить нас в заблуждение, т. к. оно, во-первых, относится к анализу прошлого, во-вторых, имеет в виду деспотический самодержавный государственный строй. «Деспотизм, — пишет Пушкин, анализируя историческую действительность XVIII в. и особенно самодержавие Екатерины II, окружает себя преданными наемниками и этим подавляется всякая оппозиция и независимость». Поэтому «потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости; обратное неизбежно связано с тиранией, вернее, с низким и дряблым деспотизмом» (VII, 751).

Ряд исследователей Пушкина под влиянием вульгарно-социологической концепции ложно истолковал выступление Пушкина в защиту института дворянства. М. Н. Покровский и его последо-

натеи дошли до того, что объявили Пушкина по социально-политическим взглядам чуть ли не реакционнее Николая I и его конфликт с русским самодержавием квалифицировали только как дворянское фрондерство.

Пушкин в целом ряде выступлений решительно отвергает упреки и обвинения его в дворянской спеси. Оправдывая позицию сотрудников «Литературной газеты», Пушкин заявляет, что у них нет «ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия». «Заступаясь за грамотное купечество в лице г-на Полевого,— пишет он,—они сделали хорошо, заступаясь за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше» (VII, 206). Т. е. Пушкин снова и снова подчеркивает личные достоинства человека, какого бы происхождения он ни был. Сейчас уже нет надобности опровергать вульгарно-социологическую фальсификацию политического облика поэта. Она разоблачена советской критикой еще в период подготовки и проведения 100-летнего юбилея со дня смерти Пушкина¹.

В том случае, когда Пушкин выдвигает свое древнее дворянское происхождение, противопоставляя себя как писателя, демократа типа Ф. Булгарина, он стремится подчеркнуть свою независимость перед властью имущими, требует неподкупности голоса писателя. «Мы не хотим быть покровительствуемыми равными,— пишет он Александру Бестужеву в 1825 г.,— вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что поэт явится в его передней с посвящением или с одой,—а¹ тот является с требованием на уважение как шестисотлетний дворянин» (X, 178).

«Тебе ли чваниться пягисотлетним дворянством?»—упрекнул Пушкина Рылеев. Защищая независимость писателя от социальных заказов правящих классов, Пушкин отвечал Рылееву: «Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей. Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению считаем себя равными им». (X, 178).

Не трудно увидеть здесь подлинный смысл апелляции Пушкина к своему аристократическому происхождению. В тех условиях Пушкин не видел иных средств защиты свободы мнения передовых людей, представителей дворянской интеллигенции, как только через требование уважения дворянского равноправия со стороны правящей бюрократии. Защищая свою свободу, Пушкин находил уместным заявить, что он—«родов дряхлеющих обломков». Конечно, это был чисто условный прием, за которым скрываются подлинные взгляды поэта на просвещенное дворянство, требование его независимости перед самодержавием, общественной ведущей роли в государстве.

Уже для либерала Анненкова было ясно, что конечная цель всех рассуждений Пушкина о дворянстве «была все-таки забота о

¹ См., например, статью В. Александрова «Шестисотлетнее дворянство», «Лит. критик», 1937, кн. 7.

народе и о доставлении ему той доли защиты и свободы в труде, каких он сам по стечению обстоятельств и при известной тогдашней обстановке своей добыть не мог», что «направление Пушкина выходило не из кровной привязанности к боярским привилегиям как таковым, а из сожаления о потере передовым сословием тех орудий, которые могли бы дать ему средство сослужить великую службу отечеству»¹.

Некоторые исследователи склонны считать, что в 30-х годах Пушкин начинает признавать ведущей силой общественного прогресса не дворянство, а разночинную интеллигенцию, сильное тяготение к которой он испытывает. Отсюда якобы закономерно ставить вопрос о политической эволюции поэта по пути постепенного перехода на позиции разночинцев².

Такая точка зрения противоречит, во-первых, пушкинским суждениям о дворянстве, во-вторых, преувеличивает возможность пушкинского предвидения исторической перспективы освободительного движения в России.

Как известно, дворянский период революционно-освободительного движения в России продолжается до крестьянской реформы 1861 г. Это значит, что ведущей силой общественного прогресса, борьбы с крепостничеством в первой половине прошлого века являются революционно настроенные дворяне.

Мог ли Пушкин увидеть будущее значение разночинцев, когда они себя еще достаточно не проявили как общественная сила? Отдельные выдающиеся представители разночинской интеллигенции (например, Белинский), конечно, привлекали к себе внимание Пушкина и не случайно, поскольку он задумался над ближайшими политическими перспективами России в связи с усилившимся антикрепостническим движением крестьянства. Но мысль Пушкина постоянно была занята судьбами двух главных сословий в России—судьбами дворян-помещиков и крестьян. Вопросы: каким путем будут разрешены кричащие противоречия между этими классами, можно ли избежать новой пугачевщины, и как должно себя вести просвещенное дворянство в случае новых революционных потрясений—заполняют страницы писаний Пушкина последних лет жизни.

Пушкин был единомышленником декабристов; он целиком солидаризировался с их революционной программой социальных преобразований в стране. Нет достаточных оснований для утверждения, что он отказался от надежд на дворянских революционеров на новом этапе борьбы с крепостничеством. Политическая реакция 30-х годов, заставившая многих либерально настроенных дворян смириться перед силою вещей, еще не значила, что дво-

---

¹ П. В. Анненков. «Воспоминания и критические очерки». Отдел III, 1881. стр. 243—244.

² Эту точку зрения высказывают, например, Б. П. Городецкий, Н. Л. Стеганов и С. М. Петров.

рянские революционеры отказались от борьбы. «Период дворянский,—писал В. И. Ленин,—не завершается 1825 годом, а продолжается до 1861 г.»¹. Вряд ли будущая роль разночинцев могла быть понята Пушкиным, если даже представитель полного вытеснения дворян разночинцами в освободительном движении Белинский признавал, что в эпоху Пушкина ведущей силой общественного прогресса в стране было передовое дворянство, которое сосредоточило в себе, писал он в 8 статье о Пушкине,—«все то, что есть в России лучшего и образованнейшего»². Принадлежа к числу «лучших», «образованнейших» представителей своего класса, Пушкин высоко ценил фактические заслуги передового дворянства, возлагая на него свои надежды и в будущем.

Обращаем внимание на мысли, высказанные поэтом в набросках X главы «Евгения Онегина». В одном из отрывков передается обстановка споров декабристов по программно-тактическим вопросам. Пушкин включает себя в «толпу» дворянских революционеров («Читал свои ноэли Пушкин»); это значит, что дело декабристов для него неотделимо близкое, родное. Поэтому он несомненно солидаризируется с Н. Тургеневым, который

«Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян».

Обращаем внимание на смысл слова «предвидел». Особенностью лексики Пушкина, как известно, является её смысловая точность. X глава создавалась несколько лет спустя после поражения декабристского восстания. Если допустить, что слово предвидел означает предсказание Тургеневым ближайшего выступления декабристов, которое не привело к освобождению крестьян, то Пушкин мог бы как-то оговорить ошибочность предвидения Н. Тургенева. А так как этого в тексте нет, то предвидение перерастает рамки конкретной исторической деятельности декабристов и приобретает значение предсказания будущей миссии дворянских революционеров. Т. е., надо полагать, Пушкин в начале 30-х годов попрежнему возлагает надежды в социальных преобразованиях России на передовых, революционно настроенных дворян.

В статье «Опровержение на критики» (1830) Пушкин несомненно искренне писал: «Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделяя я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа» (VII, 196). Бросая взгляд на историческое прошлое России, Пушкин приходит к выводу, что дворянство—«единственный класс, на который просвещение успело излить свои лучи» (VII, 649).

Выше мы выяснили, что просвещенные разночинцы по личным

¹ В. И. Ленин. Соч., т¹ 20, стр. 223.

² В. Г. Белинский, цитируемое издание, т. III, стр. 505.

достоинствам включаются Пушкиным в дворянство. Они вместе с просвещенным дворянством составляют «дружину ученых и писателей», которая остается всегда **«вперед» во всех набегах просвещения**. Обращаем внимание на подчеркнутые нами пушкинские слова. Ясно, что речь здесь идет не о вытеснении дворян разночинцами в общественном прогрессе, если даже признать, что «дружина ученых писателей» — разночинцы, а о постоянно действующем факторе («во всех набегах просвещения»).

Пушкина волнует то обстоятельство, что такие «разночинцы», как Ф. Булгарин и Сенковский (их он именует демократическими философами и писателями) всячески стараются помешать взаимопониманию и консолидации сил передовых просвещенных представителей общества, пытаются направить ненависть народа и разночинской интеллигенции против просвещенного дворянства, которое они именуют аристократией.

В этом отношении заслуживают особого внимания мысли Пушкина, высказанные в диалоге «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1831).

А. и Б. ведут разговор об идеологической подготовке французской буржуазной революции 1789—1793 гг., в которой немалую роль сыграли демократические писатели.

В черновой редакции читаем следующие интересующие нас строки: «А. «Неужели в самом деле эпиграммы французских писателей приготовили крики *les aristocrates á la lanterne?*»

Б. Таково по крайней мере мнение «Литературной газеты».

А. А твоё мнение? Нельзя узнать? (VII, 631). Мнение Б. близко авторскому. Хотя он и высказывает его осторожно, однако в нем не трудно обнаружить повторение уже прослеженных нами суждений Пушкина о судьбах дворянства. Б. заявляет, что лозунг «аристократов к фонарю!» — «крики бешеной черни», что в этом еще не вся революция, а лишь один жалкий эпизод ее — «гадкая фарса в огромной драме». «Чернь, — развивает свои мысли Б., — остервенились против дворянства, которое «с некоторых пор было ей представлено сословием презренным и ненавистным» (VII, 205).

Как видим, Б. не разделяет демократического лозунга «аристократов к фонарю!», так как считает, что не все представители дворянского сословия заслуживают этой кары. Дворянство «почтенное, трудолюбивое и просвещенное» никак не должно подвергаться опасности расправы над ним «бешеной черни». «Положим, — продолжает Б., — что эпиграммы французских демократических писателей приготовили крики *les aristocrates á la lanterne*. У нас такие же эпиграммы хоть и не отличаются их остроумием, могут иметь последствия еще пагубнейшие... Подумай о том, что значит у нас сие дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу» (VII, 208).

Б. явно боится за судьбу передового дворянства, которое, по его мнению, является выразителем интересов самого народа.

Эпиграммы и т. п. нападки «демократических» писателей и журналистов, вроде Булгарина и Сенковского, на передовое дворянство, именуемое ими аристократией, имеют целью отвлечь внимание «бешеной черни» от подлинных виновников народных страданий, от «сословия презренного и ненавистного народу» и направить ее ярость на своих же защитников. В этом смысл многозначия после слова «пагубнейшие» и совета подумать, в каком отношении находится просвещенное дворянство к народу.

«Мы живем во дни переворотов»,—писал Пушкин М. П. Погодину в январе 1831 г., оценивая складывающуюся революционную ситуацию в стране в связи с ростом крестьянских волнений и сопоставляя ее с событиями в Западной Европе.

Каково должно быть взаимоотношение просвещенных дворян с «разбушевавшейся чернью»—вот проблема, которую настойчиво старается решить поэт. Он хорошо знает поучительный урок Пугачевского восстания. Поэтому считает нужным предупредить правящие классы, что «Пугачевский бунт указал правительству на необходимость многих перемен» (VIII, 357).

Пушкин не мог не предвидеть всей остроты классового конфликта между дворянством и крестьянством. Уроки Пугачевского восстания на этот счет были очень показательны: «дворянство было обречено погибели», «во всех селениях на воротах барских домов висели помещики или их управители» (VIII, 357, 358)¹. Поэт при всем радикализме антикрепостнических настроений не мог согласиться с подобным ходом вещей. Он глубоко был взволнован за судьбы просвещенного дворянства, к которому принадлежал сам. Он оставался сыном своего класса, несмотря на острый конфликт с его реакционными элементами. «Он,—правильно писал Белинский,—нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности, но принцип класса для него—вечная истина»².

Становится понятным, почему Пушкин никогда не одобрял якобинскую диктатуру, почему в стихотворении «Кинжал» (1821) он воспел поступок Шарлотты Корде, убившей «друга народа», вождя «разбушевавшейся черни» Марата³, почему в стихотворении «Андрей Шенье» (1825) он выступил в защиту представителя умеренного лагеря французской революции Андре

---

¹ Понимал это и юноша Лермонтов, который писал в стихотворении «Предсказанье». (1830):

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон.

² В. Г. Белинский, цитируемое издание, т. III, стр. 565.

³ В 1831 г. в «Рославлеве» Пушкин снова упоминает о Шарлотте Корде, поступок которой, по мнению Полины, является примером героического выполнения своего общественного долга.

Шенье, казненного якобинцами по обвинению в причастности к заговору в пользу монархии, почему крики «аристократов к фонарю» назвал «гадкой фарсой в огромной драме».

Предвидя нарастающую угрозу в России новой пугачевщины, зная, что передовое просвещенное дворянство не останется безучастным к революционным событиям в стране, ибо само является «страшной стихией мятежей» и «при первом новом возмущении... снова выйдет на площадь, как 14 декабря» (VIII, 60), Пушкин настойчиво размышляет над проблемой революции, создавая своеобразную концепцию ее. В понимании Пушкина, революция — это насильственные, но организованные социальные преобразования, проводимые под руководством просвещенных представителей общества, не допускающие произвольной расправы «бешеной черни» с господствующими классами.

Близкое к этому понятие в слово революция вкладывали и декабристы. Так, по мысли Пестеля, революция должна была быть в России проведена временной диктатурой просвещенных дворян, установленной после вооруженного переворота.

Понятно, почему петровские реформы, связанные с принудительными мерами по отношению к тем, кто им противился, Пушкин также неоднократно называет революцией. Повидимому, с этим связан и смысл лаконической заметки Пушкина: «Петр I—одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции)» (VII, 536)¹.

Такова в общих чертах пушкинская концепция просвещенного дворянства.

В данной работе мы остановились лишь на некоторых, наиболее характерных, примерах дифференцированного изображения Пушкиным представителей господствующего класса применительно к его теоретическим рассуждениям о дворянстве. Оставляем за собой право возвратиться к более углубленному анализу художественного материала.

---

¹ Взглядам Пушкина на народную революцию посвящена моя статья «К проблеме крестьянской революции в творчестве Пушкина»—Учен. зап. Кавардинского пединститута, вып. V, Нальчик, 1953.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
7	11 <i>сверху</i>	П. А. Чаадаев	П. Я. Чаадаев
9	10 <i>сверху</i>	передового современ- ного	передового современ- ника
10	7 <i>сверху</i>	отчизна отражает	отчизна страждет
11	3 <i>снизу</i>	которой	который
12	2 <i>снизу</i>	сб. Пушкина в школе	сб. Пушкин в школе
25	16 <i>сверху</i>	представителей.	предстателей.
26	12 <i>снизу</i>	испещерившего	испещрившего
29	22--23 <i>сверху</i>	Играют в кубари.	Забыв войну, сра- женья, Играют в кубари
30	13 <i>сверху</i>	Забыв войну, сраженья Аракчеева	Играют в кубари Аракчеев
35	6 <i>снизу</i>	села Пушкина	села Плюшкина
43	19 <i>сверху</i>	глумления	глумления
50	2 <i>снизу</i>	как например	как на пример
82	14 <i>сверху</i>	политические жанры	литературные жанры
82	15 <i>сверху</i>	политические приемы	поэтические приемы
85	2 <i>сверху</i>	прносятся	приносятся
96	16 <i>сверху</i>	выходящих	выходящим
103	12 <i>снизу</i>	В цветущей роще должны быть птицы—	эти слова принадлежат автору статьи
149	3 <i>снизу</i>	О языках	О языковых
151	19 <i>снизу</i>	Образная характери- стика	Образную характери- стику
167	6 <i>сверху</i>	любовницу	любовищу

Отв. редактор ученых записок М. Михайлов (IV том)

У Ч Е Н Ы Е
З А П И С К И

ВЫПУСК IV

Чувашское государственное издательство
Чебоксары — 1956